Посольство Литовской Республики в Российской Федерации

«Дом Юргиса Балтрушайтиса»

-.

Международная научная конференция

Москва

30 августа – 1 сентября 2007 г.

Современная семиотика в приложении к гуманитарным наукам

посвященная 90-летию со дня рождения Альгирдаса Жюльена Греймаса
и выходу на русском языке книги А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания
«Семиотика страстей.
От состояния вещей к состоянию души»

Т Е З И С Ы

-.

Ответственные редакторы: М.В. Завьялова, И.Г. Меркулова
Перевод: И.Г. Меркулова, М.В. Завьялова

Организаторы конференции выражают благодарность Аннет Карайон за помощь в подготовке переводов

Rédaction : I.G. Merkoulova, M.V. Zavialova,
Traduction : I.G. Merkoulova, M.V. Zavialova

Les organisateurs de la conférence tiennent à remercier Annette Carayon pour sa collaboration dans la relecture des traductions

Tarptautinė mokslinė konferencija

„Šiuolaikinė semiotika humanitariniuose moksluose“

skirta Algirdo Julijaus Greimo 90 metų jubiliejui
bei A.J. Greimo ir J. Fontanille knygos

„Aistrų semiotika. Nuo dalykų būsenos
prie sielos būsenos“
pasirodymui rusų kalba

-.

Международная научная конференция

«Современная семиотика в приложении к гуманитарным наукам»

посвященная 90-летию со дня рождения Альгирдаса Жюльена Греймаса
и выходу на русском языке книги А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания
«Семиотика страстей.
От состояния вещей к состоянию души»

-.

Colloque international

«La sémiotique contemporaine en dialogue avec les sciences humaines»

A l'occasion du 90ème anniversaire de la naissance d'Algirdas Julien Greimas
et de la parution en russe de l'ouvrage d'A.J. Greimas et J. Fontanille

« Sémiotique des passions.
Des états de choses aux états d'âme »

-.-

Maskva, 2007 m. **rugpjūčio 30 – rugsėjo 1**
Москва, **30 августа – 1 сентября** 2007 г.
Moscou, **30 août – 1 septembre** 2007

T E Z Ė S   Т Е З И С Ы   R É S U M É S

Организаторы конференции:

Посольство Литовской Республики в Российской Федерации
«Дом Юргиса Балтрушайтиса»
Институт славяноведения РАН, Москва
Российский центр науки и культуры в Париже (Представительство во Франции Центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД Российской Федерации)
Институт мировой культуры МГУ
Университет Сорбонна – Париж IV
Лиможский университет, Центр семиотических исследований
Центр Греймаса при Вильнюсском Университете

Оргкомитет конференции:

Юозас Будрайтис (Москва)
М.В. Завьялова (Москва)
Вяч.Вс. Иванов (Москва – Лос-Анджелес)
И.Г. Меркулова (Париж – Москва)
Кястутис Настопка (Вильнюс)
Т.М. Николаева (Москва)
Жак Фонтаний (Лимож – Париж)
Т.В. Цивьян (Москва)

При поддержке:

Министерства культуры Литовской Республики

Института Литвы

Посольства Российской Федерации во Франции

Посольства Франции в Российской Федерации

Дома наук о человеке (Париж)

Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук (Москва)

Итальянского института культуры (Москва)

Российского информационного агентства РИА-Новости (Париж)

Organisateurs:

Ambassade de Lithuanie en Russie
« Maison de Yurgis Baltrusaïtis »
Institut d'études slaves de l'Académie des Sciences de Russie, Moscou
Centre de Russie pour la Science et la Culture à Paris (Représentation en France du Centre pour la coopération scientifique et culturelle internationale auprès du MAE de la Fédération de Russie)
Institut de la culture mondiale de l'Université d'Etat de Moscou M.V. Lomonossov
Université Paris-Sorbonne (Paris-IV)
Université de Limoges, Centre de recherches sémiotique
Centre A.J. Greimas de l'Université de Vilnius

Comité d'organisation:

Juozas Budraitis (Moscou)
Jasques Fontanille (Limoges – Paris)
V.Vs. Ivanov (Moscou – Los-Angeles)
I.G. Merkoulova (Paris – Moscou)
Kęstutis Nastopka (Vilnius)
T.M. Nikolaeva (Moscou)
T.V. Tsivian (Moscou)
M.V. Zavialova (Moscou)

Avec le soutien de:

Ministère de la culture de la République de Lithuanie

Institut de Lithuanie

Ambassade de la Fédération de Russie en France

Ambassade de France en Russie

Fondation Maison des sciences de l'homme (Paris)

Centre franco-russe de recherches en sciences humaines et sociales (Moscou)

Istituto Italiano di Cultura (Moscou)

Agence russe d'information internationale RIA-Novosti (Paris)

Альгирдас (Жюльен) Юлюс **ГРЕЙМАС** [1917, Тула – 1992, Париж, похоронен в Каунасе]. Лингвист, семиотик, мифолог, эссеист. Изучал право в Каунасе (1934–1935) и французский язык в Гренобле (1936–39). В 1939 году Греймас вернулся в Литву и был участником антинацистского движения во время Второй мировой войны. Приехав в Париж в 1945 году, он начинает писать диссертацию по лексикологии. Греймас проживет во Франции до конца своих дней. На протяжении многих лет он занимал пост научного директора по общей семантике в Парижской Высшей школе общественных наук. Наряду с Р. Бартом является одним из основателей европейской семиотики.

Его наиболее крупные лексикографические работы – «Словарь старо-французского языка» (1968), «Словарь средне-французского языка: Ренессанс» (1992, с Т.А. Кеане).

Он создал общую теорию смысла, которую изложил в книгах, написанных на французском языке: «Структурная семантика» (1966), «О смысле» (1970), «Эссе по семиотической поэтике» (1971, с М. Арриве), «Мопассан. Семиотика текста: Практические занятия» (1976), «Семиотика и общественные науки» (1976), «Семиотика: Толковый словарь теории языка» (1, 1979, с Ж. Куртесом, 2, 1986, совместно с другими авторами), «Введение в анализ дискурса общественных наук» (1979, с Э. Ландовским), «О смысле II» (1983), «О несовершенстве» (1987), «Семиотика страстей. От состояния вещей у состоянию души» (1991, с Ж. Фонтанием).

Греймас создал метод реконструкции литовской мифологии, примененный в частности в исследовании «О богах и людях» (1979 – лит./ 1985 – фр.).

С 1989 г. Греймас активно сотрудничает с литовскими коллегами. В Литве Греймас писал публицистику и литературную эссеистику, вместе с С. Жукасом написал книгу «Литва в Прибалтике: Исторические и культурные черты» (на лит. и франц. яз., 1993). По-литовски изданы следующие книги Греймаса: «Семиотика» (1989); «Далеко и близко» (1991); «В поисках народной памяти» (1990); «Жизнь и размышление» (1998); «Поиск страха» (1999).

На русском языке опубликованы следующие произведения Греймаса: «Структурная семантика» (перевод Л. Зиминой, 2004), «Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души» (перевод И. Меркуловой, 2007).

Семиотика Греймаса сегодня активно развивается во многих странах Европы, в Латинской Америке и Канаде.

Algirdas Julien (Julius) **GREIMAS** [1917, Tula – 1992, Paris, inhumé à Kaunas]. Linguiste, sémioticien, mythologue, auteur d'essais. Après des études de droit à Kaunas,1934–1935, Greimas étudie le français à l'Université de Grenoble (1936–1939). Revenu en Lithuanie, il participe au mouvement anti-nazi pendant la Deuxième Guerre mondiale. De retour à Paris en 1945, il commence une thèse en lexicologie. Il séjournera en France jusqu'à la fin de sa vie. A partir de 1965 il a été directeur d'études à l'Ecole des Hautes Etudes à Paris où, avec Roland Barthes, il a été un des fondateurs de la sémiotique européenne.

Ses travaux lexicographiques les plus importants : *Dictionnaire de l'ancien français* (1968), *Dictionnaire du Moyen français : La Renaissance* (1992, avec T.A. Keane).

Greimas a créé la théorie générale du sens à laquelle il a consacré les ouvrages tels que *Sémantique structurale* (1966), *Du sens* (1970), *Essais de sémiotique poétique* (1971, avec M. Arrivé), *Maupassant, la sémiotique du texte, exercices pratiques* (1976), *Sémiotique et Sciences sociales* (1976), *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage* (1, 1979, avec J. Courtès, 2, 1986, avec d'autres auteurs), *Introduction à l'analyse du discours en sciences sociales* (1979, avec E. Landowski), Du sens, II (1983), *De l'imprefection* (1987), *Sémiotique des passions. Des états de choses aux états d'âme* (1991, avec J. Fontanille).

Greimas a élaboré une méthode de reconstruction de la mythologie lithuanienne qu'il a mise en oeuvre dans sa recherche *Des dieux et des hommes : études de mythologie lithuanienne* (1979 – lith./ 1985 – fr.).

A partir du 1989 Greimas a repris des relations étroites avec ses partenaires lithuaniens, il a publié en Lithuanie des articles sur la vie politique et sociale ainsi que des essais littéraires. Il a écrit, en collaboration avec S. Žukas, le livre *La Lithuanie, un des pays baltes* (en lithuanien et en français, 1993).

Ouvrages édités en lithuanien: *Sémiotique* (1989); *De proche et de loin* (1991); *A la recherche de la mémoire populaire* (1990); *Vie et réflexion* (1998); *La quête de peur* (1999).

Ouvrages édités en russe: *Sémantique structurale* (traduction de L. Zimina, 2004),
Sémiotique des passions. Des états de choses aux états d'âme (traduction d'I. Merkoulova, 2007).
La sémiotique greimassienne connaît aujourd'hui un développement important dans plusieurs pays européens, en Amérique Latine et au Canada.

МОСКОВСКО-ТАРТУСКАЯ СЕМИОТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В 60-е годы возникло два основных семиотических центра: в Москве (Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, В.А. Успенский и др.) и Тарту (Ю.М. Лотман, Б.М. Гаспаров, З.Г. Минц и др.). Можно говорить о единой Московско-Тартуской (или Тартуско-Московской) школе семиотики, объединившей исследователей на основе как содержательных, так и организационных принципов.
Российское направление семиотики опиралось на большое число ярких и разнообразных предшественников: школу «русских формалистов» (Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский), Московский лингвистический кружок (Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский и др.), С.О. Карцевского, школу психологов (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и др.), теоретические работы С.М. Эйзенштейна и т. д. (см. в «Очерках по истории и предыстории семиотики», Вяч.Вс. Иванов, 1998).
К началу 1960-х годов в Москве сформировалась группа исследователей, пришедших к семиотике разными путями: от структурной лингвистики и машинного перевода (как, например, В.Ю. Розенцвейг), от компаративистики, общего языкознания. Часть из них стала сотрудниками сектора структурной типологии Института славяноведения Академии наук СССР, которым с 1960 по 1963 год руководил В.Н. Топоров, с 1963 по 1989 год – Вяч.Вс. Иванов. Именно они стали идеологами той семиотической ветви, которая впоследствии получила имя Московской семиотической школы. В эту группу вошли сотрудники сектора – А.А. Зализняк, И.И. Ревзин, Т.М. Николаева, Д.М. Сегал, Т.В. Цивьян и др.
В 1962 этой группой был проведен Симпозиум по структурному изучению знаковых систем, на котором рассматривался не только естественный язык, но также семиотические аспекты искусства и литературы, семиотика невербальных знаков коммуникации, математические аспекты стиховедческого анализа и др. Однако последовавший вскоре разгром этого направления официальными властями заставил семиотиков Москвы с благодарностью принять идею Ю.М. Лотмана о проведении Первой школы по знаковым системам в Эстонии, в Тартуском университете и о публикации московских работ в серии ТГУ «Труды по знаковым системам».
В Тарту центром семиотики стала кафедра русской литературы, на которой работали М.Ю. Лотман, З.Г. Минц, Б.Ф. Егоров, И.А. Чернов и др. В 1964 здесь вышел первый сборник Трудов по знаковым системам, и в этом же году состоялась первая Летняя школа по вторичным знаковым системам, объединившая два центра; самостоятельным направлением стала индология (Т.Я. Елизаренкова, А.М. Пятигорский, Л. Мялль, С.А. Серебря-ный и др.). В течение десяти лет было проведено пять Летних школ, причем пятая официально называлась Всесоюзным симпозиумом по вторичным моделирующим системам. Во второй Летней школе (1966) принимал участие Р.О. Якобсон. Значительно позднее – в 1986 – состоялась еще одна, последняя школа.
В рамках Московско-Тартуской школы семиотики объединились две традиции: московская лингвистическая и ленинградская литературоведческая, поскольку именно к последней принадлежали Ю.М. Лотман и З.Г. Минц.
В основе московской лингвистической традиции лежали методы структурной лингвистики, кибернетики и информатики. Для Ю.М. Лотмана ключевым стало понятие текста (прежде всего художественного), которое он распространил на описание культуры в целом.
Хотя вначале группа московских исследователей занималась разными областями приложения семиотической теории, в дальнейшем ее интересы переключились в основном на семиотический анализ художественного текста и мифологии (Иванов, Топоров, Мелетинский, Неклюдов и др.). Две основных теоретических позиции – установка на билатеральность знака в художественном тексте, и понимание текста как особым образом структурированного пространства – дали возможность нового подхода к лингвистике текста, или структуре текста.
В частности, было реконструировано особое ментальное пространство архетипического человека, характеризовавшееся неразличением художественного, исторического и интеллектуального (*кар-*

тина мира, формирующая *модель мира*). Такой способ видения мира был назван Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым «мифопоэтическим». Одним из главных результатов, достигнутых этой школой, следует считать работы по реконструкции так называемого «основного мифа» индоевропейцев.

Особое место занимают работы Топорова по построению так называемого «гипертекста», надстроенного над совокупностью отдельных произведений (например «Петербургский текст» и др.). Сферу интересов Иванова составили исследования по асимметрии полушарий, по семиотике кино, семиотике культуры. Важный вклад в семиотику сделали Б.А. Успенский, Е.В. Падучева, А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов и др.

Другое направление семиотики представлено в работах М.Ю. Лотмана. В этом случае речь идет о тексте культуры, а само понятие культуры становится центральным, фактически вытесняя понятие языка. Культура понимается как знаковая система, по существу являющаяся посредником между человеком и окружающим миром. Она выполняет функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире. Соответственно, различные культуры могут по-разному производить такой отбор и структурирование.

В современной российской семиотике преобладает именно эта традиция, однако с активным использованием лингвистических методов. Так, можно говорить о семиотике истории и культуры, основанной на лингвистических принципах (Т.М. Николаева, Ю.С. Степанов, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский и др.).

Особый интерес представляют рефлексия по поводу Московско-Тартуской семиотической школы и осмысление ее как особого культурного и даже семиотического феномена. Основная масса публикаций (в том числе чисто мемуарного характера) приходится на конец 1980-х и 1990-е годы (статья Б.М. Гаспарова «Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен» (1989), статьи Б.А. Успенского «К проблеме генезиса Тартуско-московской и семиотической школы» и В.Н. Топорова «Вместо воспоминания»).

Контактная информация:
Почтовый адрес: Институт славяноведения РАН, Отдел структурной типологии и сравнительного языкознания, Ленинский проспект, 32-А, Москва 119334
Заведующая отделом – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор Татьяна Михайловна НИКОЛАЕВА
Тел: + 7 495 938 19 43
Факс: + 7 495 938 00 96
Сайт: http://www.inslav.ru/o_tipol.html

ECOLE SÉMIOTIQUE DE MOSCOU-TARTU

Dans les années 1960, sont apparus deux centres sémiotiques d'importance : à Moscou (V.Vs. Ivanov, V.N. Toporov, V.A. Ouspenski et d'autres) et à Tartu (Y.M. Lotman, B.M. Gasparov, Z.G. Mintz). Mais on peut parler d'une seule école sémiotique de Moscou-Tartu (ou Tartu-Moscou) qui a réuni les chercheurs sur la base de principes communs concernant aussi bien son contenu que son organisation.

Le courant sémiotique russe s'appuyait sur les travaux de divers prédécesseurs : l'école des « formalistes russes » (Y.N. Tynianov, B.M. Eikhenbaum, V.B. Shklovsky), le cercle linguistique de Moscou (R.O. Jakobson, G.O. Vinokour, A.A. Refformatski), S.O. Kartsevsky, l'école de psychologie (L.S. Vygotsky, A.R. Luria), les travaux théoriques de S.M. Eisenshtein etc. (cf. V.Vs. Ivanov, *Essais sur l'histoire et la pré-histoire de la sémiotique*, 1998).

Vers le début des années 1960 s'est formé à Moscou un groupe de chercheurs venant d'horizons divers : de la linguistique structurale et de la traduction automatique (comme V.Y. Rosensweig, par exemple), des études comparatistes, de la linguistique générale. Certains d'entre eux ont intégré le département de la typologie structurale de l'Institut d'études slaves de l'Académie des Sciences d'URSS, dirigé de 1960 à 1963 par V.N. Toporov et de 1963 à 1989 par V.Vs. Ivanov. Ce sont eux qui ont joué le rôle de théoriciens du courant de recherches qui a ensuite reçu le nom de l'Ecole sémiotique de Moscou. Les chercheurs: A.A. Zalizniak, I.I. Revzin, T.M. Nikolaeva, D.M. Segal, T.V. Tsivian et d'autres ont alors intégré le groupe.

En 1962 ce groupe a organisé Le Symposium sur l'étude structurale des systèmes sémiotiques ou furent présentés des travaux analysant la langue naturelle mais aussi des études sémiotiques sur l'art et la littérature, une sémiotique des signes non-verbaux de la communication, les données mathématiques de l'analyse de la poésie etc. Les pouvoirs officiels ont immédiatement censuré ce type de recherche et les sémioticiens moscovites, reconnaissants, ont suivi Y.M. Lotman qui leur proposait d'organiser la Première école sémiotique à l'Université de Tartu en Estonie et de publier leurs recherches dans la collection universitaire « Travaux sur les systèmes sémiotiques ».

A Tartu le Centre de recherches sémiotiques appartenait à la chaire de littérature russe où se enseignaient Y.M. Lotman, Z.G. Minz, B.F. Egorov, I.A. Tchernov et d'autres. En 1964 a été publié le premier recueil des Travaux, et cette même année a eu lieu la Première Ecole d'été portant sur les systèmes sémiotiques secondaires et réunissant les deux Centres ; les études hindoustaniques représentaient un courant indépendant avec T.J. Elizarenkova, A.M. Piatigorsky, L. Miall, S.A. Serebriany. En dix ans ont été organisées cinq Ecoles d'été, la cinquième s'intitulait officiellement Symposium d'URSS sur les systèmes modélisants secondaires. La deuxième Ecole d'été (1966) a été marquée par la participation de R.O. Jakobson. La dernière a eu lieu beaucoup plus tard, en 1986.

L'école sémiotique de Moscou-Tartu a réuni deux traditions : la tradition linguistique moscovite et celle de la critique littéraire de Leningrad, avec Y.M. Lotman et Z.G. Minz.

La tradition linguistique moscovite est celle des méthodes de la linguistique structurale, de la cybernétique et de l'informatique, l'autre est surtout représentée par Y.M. Lotman qui a élaboré le concept-clé de texte (en particulier de texte artistique) qu'il a utilisé dans la description des faits de culture.

Le groupe des chercheurs moscovites utilisait au début la théorie sémiotique dans l'analyse d'objets appartenant a des domaines très différents, les recherches se sont ensuite recentrées sur l'analyse sémiotique du texte artistique et sur la mythologie (Ivanov, Toporov, Meletinsky, Nekludov). Deux positions théoriques de base: le caractère bilatéral du signe dans un texte artistique et l'interprétation du texte comme espace doté d'une structure particulière, ont généré une nouvelle approche de la linguistique du texte.

La reconstitution de l'espace mental de l'homme archétypique, caractérisé par la non-distinction entre l'artistique, l'historique et l'abstraction (*image* ou *modèle du monde*) a été un des résultats importants de ces recherches. Cette représentation du monde a été nommée par V.Vs. Ivanov et V.N. Toporov « mythopoétique ». L'ensemble de ces travaux ont abouti à la reconstruction de « mythe essentiel » européen.

Une place à part est a réserver aux travaux de Toporov sur « l'hypertexte » qui englobe un certain nombre d'œuvres dans un ensemble signifiant : « Le texte pétersbourgeois » par exemple. Les recherches d'Ivanov ont porté, entre autres, sur l'asymétrie des hémisphères du cerveau, la sémiotique du cinéma, la sémiotique de la culture. B.A. Ouspenski, E.V. Padoutcheva, A.K. Zholkovski, J.K. Tscheglov ont, de leur cote, apporté à la sémiotique une très importante contribution.

Un autre courant sémiotique a été initié par Y.M. Lotman qui a pris pour objet la culture comme texte. La notion même de culture occupe dans ses travaux une place centrale, évinçant même celle de la langue. La culture se comprend pour lui comme un système sémiotique ayant une fonction médiatrice entre l'homme et le monde extérieur. La culture sélectionne et structure l'information venant du monde extérieur; la sélection et la structuration variant évidemment selon les cultures.

Cette tradition domine dans les recherches sémiotiques russes contemporaines, associée aux méthodes de la linguistique. On peut véritablement parler d'une sémiotique de l'histoire et de la culture fondée sur des principes linguistiques (T.M. Nikolaeva, Y.S. Stepanov, N.I. Tolstoi, V.N. Toporov, B.A. Ouspenski).

Les recherches portant sur l'Ecole sémiotique de Moscou-Tartu elle-même comme phénomène culturel et même sémiotique unique, ont un intérêt tout particulier. Ces travaux (y compris les mémoires) ont pour la plupart été publiés dans les années 1980 – 1990 : B.M. Gasparov : « L'école de Tartu des années 1960 comme phénomène sémiotique » (1989), B.A. Ouspenski : « Sur la genèse de l'école sémiotique de Tartu-Moscou », V.N. Toporov: «En souvenir » .

Contact:
Adresse postale: Institut d'études slaves de l'Académie des Sciences de Russie, Département de la typologie structurale et de la linguistique comparée; Leninsky prospekt, 32-A, Москва 119334

Directrice du département : Membre-correspondant de l'Académie des Sciences de Russie, docteur en philologie, professeur Tatiana Mikhaïlovna NIKOLAEVA
Tél: + 7 495 938 19 43
Télécopie: + 7 495 938 00 96
Web-site: http://www.inslav.ru/o_tipol.html

ЦЕНТР СЕМИОТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЛИМОЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЦСИ
Директор: профессор **Жан-Франсуа БОРДРОН**

Центр семиотических исследований – это исследовательская команда Лиможского университета, основанная в 1996 г. Жаком Фонтанием. Вначале в нее входили несколько молодых специалистов, получивших образование в области семиотики (теории и методов школы А.Ж. Греймаса).
В дальнейшем состав команды существенно расширился, также как и ее интересы, с учетом перспектив работы, предложенных Умберто Эко, Жан-Клодом Коке, Юрием Лотманом и Франсуа Растье. В центре была разработана своя собственная теоретическая база, основанная на семиотике чувственного, семиотике тела и страстей и в целом на так называемой семиотике напряжения.
Сегодня ЦСИ насчитывает **25 постоянных членов** и **34 докторанта.** В команде были созданы и издаются три журнала: *Новые Семиотические Акты – Nouveaux Actes Sémiotiques* (Лимож, «Пюлим» – Издательство Лиможского университета, электронное издание); *Visibles* (Лимож, «Пюлим», журнал по визуальной семиотике, печатное издание); *Res Antiquae* (Брюссель, «Сафран», печатное издание), а также серию книг под общим названием *Новые Семиотические Акты* («Пюлим»).
В плане университетского образования в ЦСИ ведется подготовка к получению **трех специализированных дипломов на звание Мастера**: исследовательский Диплом Мастера «Лингвистика и семиотика», профессиональный Диплом Мастера «Семиология и стратегия», Профессиональный Диплом Мастера «Письмо, типография, издательское дело». Также есть **докторат (аспирантура) по семиотике**, входящий в программу Докторской школы (аспирантуры) по гуманитарным и общественным наукам.
В ЦСИ разрабатываются **темы исследований** по общей и теоретической семиотике, литературной франкофонной семиотике, семиотике общественной и семиотике объектов, по линвистической семантике, а также по истории и теории письма и новым информационным технологиям.
В рамках национальных и международных научных конкурсов ЦСИ, в сотрудничестве с исследовательскими центрами из других дисциплинарных областей, недавно начал работу над **тремя междисциплинарными программами**:

1. «Знаки личной идентификации и социальной принадлежности. Семио-дискурсивный подход к разрешению многоличностного конфликта».
2. «От расшифровки неизвестных письменностей к грамматикализации языков».
3. «Средства научного визуального представления: новые образы и новая практика».

Начиная с 1996 г. (год создания Центра), ЦСИ регулярно проводит **международный семинар** в Париже, в настоящее время в Научном Доме университета Сорбонна – Париж-4, в ходе которого обсуждаются исследовательские темы команды. Предыдущие два года заседания семинара проводились по теме «**Семиотические практики** и их синтагматическое описание», в настоящее время участники семинара интересуются семиотическими конфигурациями **этики**, в частности этической составляющей практик и видов дискурса.

Контактная информация:
Почтовый адрес:
Centre de recherches sémiotiques
Faculté des Lettres et des Sciences Humaines, 39E, rue C. Guérin, 87032 Limoges Cedex
Tél: + 33 (0)5 55 43 56 00
E-mail: ceres@unilim.fr
Fax: +33 (0)5 55 43 56 03

Сайт : www.flsh.unilim.fr
Сайт журнала *Nouveaux Actes Sémiotiques*: http://scd-theses.unilim.fr/nas/

CENTRE DE RECHERCHES SÉMIOTIQUES, UNIVERSITÉ DE LIMOGES
CeReS
Directeur : professeur **Jean-François BORDRON**

Le Centre de Recherches Sémiotiques est une équipe de l'Université de Limoges, fondée par Jacques Fontanille en 1996 à partir d'un petit nombre de jeunes chercheurs formés aux théories et aux méthodes de la sémiotique inspirée par A. J. Greimas.
Cette équipe s'est ensuite considérablement développée, et a étendu ses intérêts théoriques aux perspectives proposées par Umberto Eco, par Jean-Claude Coquet, par Iouri Lotman, et François Rastier. Elle s'est elle-même dotée de son propre référent théorique, centré sur la sémiotique du sensible, du corps et des passions, et, plus généralement, sur la sémiotique dite tensive.
Actuellement, le CeReS comprend **25 membres permanents et 34 doctorants**. L'équipe a créé et dirige aujourd'hui trois revues : *Nouveaux Actes Sémiotiques* (Limoges, Pulim, revue en ligne) ; *Visibles* (Limoges, Pulim, revue de sémiotique visuelle imprimée) ; *Res Antiquae* (Bruxelles, Safran, revue imprimée), ainsi qu'une collection d'ouvrages, intitulée *Nouveaux Actes Sémiotiques* (PULIM, Limoges).
Du point de vue de la formation, le CeReS propose **trois spécialités de Master** : un Master Recherche « Linguistique et Sémiotique », un Master Professionnel « Sémiologie et stratégie », un Master Professionnel « Ecriture, typographie, édition », **et un doctorat en sémiotique**, appartenant à l'Ecole Doctorale Sciences de l'Homme et de la Société.
Les thèmes de recherche du CeReS sont consacrés à la sémiotique générale et théorique, à la sémiotique littéraire francophone, à la socio-sémiotique et à la sémiotique des objets, à la Sémantique linguistique, et enfin à l'approche sémiotique et historique des pratiques des écritures et des TIC.
En réponse à plusieurs appels d'offre scientifiques nationaux et internationaux, le CeReS a récemment mis en place, en collaboration avec d'autres équipes de recherche appartenant à d'autres champs disciplinaires, **trois programmes de recherche** transversaux, intitulés respectivement : (1) « Les Ostensignes, affichage de signes d'appartenance communautaire. Approche sémio-discursive d'un conflit multi-identitaire. », (2) « Du déchiffrement des écritures inconnues à la grammatisation des langues », et (3) « Images et dispositifs de visualisation scientifiques : nouvelles images, nouvelles pratiques. ».
Le CeReS anime depuis 1996, date de sa création, **un séminaire international** qui se tient à Paris, actuellement à la Maison de la Recherche de Paris IV-Sorbonne, et qui porte sur les thématiques théoriques en cours de l'équipe. Après deux années consacrées aux **pratiques sémiotiques**, et à leur description syntagmatique, ce séminaire s'intéresse actuellement aux configurations sémiotiques de l'éthique, et plus généralement à la dimension **éthique** des pratiques et des discours.

Contact :
Adresse postale :
Centre de recherches sémiotiques
Faculté des Lettres et des Sciences Humaines, 39^{E}, rue C. Guérin, 87032 Limoges Cedex
Tél: + 33 (0)5 55 43 56 00
Fax: +33 (0)5 55 43 56 03
Courriel: ceres@unilim.fr
Web-site : www.flsh.unilim.fr
Web-site de la revue *Nouveaux Actes Sémiotiques* :
http://scd-theses.unilim.fr/nas/

ЦЕНТР ГРЕЙМАСА В ВИЛЬНЮССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А.Ж. Греймас предлагал создать в Вильнюсском университете кафедру антропологии имени Йонаса Басанавичюса (литовский антрополог XIX века), которая объединила бы различные дисцип-

лины гуманитарных и социальных наук. Центр семиотических исследований А.Ж. Греймаса – частичная реализация этой идеи. Центр был создан в 1992 г., в год смерти Греймаса, во время международного коллоквиума *Эстетика и повседневность в Европе*, организованного по его инициативе в Вильнюсском университете.

С тех пор Центр поддерживает и продолжает традиции сотрудничества семиотиков Литвы и Франции, которым положил начало А.Ж. Греймас. Кроме того, он служит информационным каналом и является местом встреч и обмена мнениями, благодаря чему литовские ученые получают возможность знакомиться с новейшими семиотическими исследованиями всего мира.

Цель центра – на основе семиотической школы А.Ж. Греймаса развивать методологию гуманитарных и общественных наук, исследовать современные культурные, социальные, политические и другие виды дискурса и семиотической практики, подготавливать компетентных в этих областях специалистов, поощрять междисциплинарные научные исследования.

Центр Греймаса в сотрудничестве с Исследовательским Центром по изучению политической жизни Франции в рамках совместной франко-литовской программы (GILIBERT) в 2003–2004 гг. выполнил исследовательский проект «Присутствие и изображение тела в политической коммуникации и рекламе». В рамках той же программы эти две группы, руководителями которых являются Кястутис Настопка и Эрик Ландовский, в 2007–2008 г. работают над проектом «Социальные практики вкуса».

Проблемы методологии составляют основу междисциплинарного семинара, ежегодно предлагающего новые программы, таких как академическая неделя в Друскининкай, которая проходит в конце каждого учебного года и в которой участвуют студенты и преподаватели многих университетов Литвы.

Результаты семиотических исследований были опубликованы в журналах «Semiotika», издателем которого был Центр Греймаса (1-7, 1994–1999), и «Baltos lankos» издателя Саулюса Жукаса, бывшего директора Центра Греймаса. Публикация наследия Греймаса является одним из главных направлений деятельности Центра. Преподаватели Центра подготовили публикацию статьи «Поиск страха» с корпусом проанализированных литовских сказок, полный том работ Греймаса по литовской мифологии (включая неизданные исследования), переводы «Структурной семантики» и статьи «Образная и пластическая семиотика» (оба произведения с предисловием Эрика Ландовского).

Начиная с 2005 г. Центр Греймаса руководит магистерской программой по семиотике. Кроме всего прочего она подразумевает курсы лекций профессоров, приглашенных из Франции и Соединенных Штатов.

Руководство Центра:

Кястутис Настопка, штатный профессор Вильнюсского университета, доктор филологических наук.

Комитет магистерской программы по семиотике:

Кястутис Настопка, председатель комитета
Даля Саткауските, доцент Вильнюсского университета, доктор гуманитарных наук
Арунас Свердиолас, доцент Вильнюсского университета, доктор гуманитарных наук
Ниёле Кершите, лектор Вильнюсского университета, доктор гуманитарных наук
Саулюс Жукас, директор издательского дома «Baltos lankos», доктор гуманитарных наук

Контактная информация:
Почтовый адрес Центра:
Universiteto 5, Vilnius LT-01513
Тел./факс: +370 5 2 68 71 61
E-mail: greimocentras@flf.vu.lt
Сайт: http://www.gc.vu.lt/

LE CENTRE A.J. GREIMAS, UNIVERSITÉ DE VILNIUS

Algirdas J. Greimas avait autrefois projeté de créer à l'université de Vilnius une chaire d'anthropologie, qui, sous le nom de chaire Jonas Basanavicius (anthropologue lithuanien du XIXème siècle), aurait eu vocation à rassembler les différentes disciplines des sciences humaines et sociales. Le Centre A.J. Greimas est une réalisation partielle de cette idée. Il a été créé en 1992, l'année de la mort de Greimas, au

moment où le colloque international *Esthétique et vie quotidienne en Europe*, organisé à son initiative, se tenait à l'université de Vilnius.

Depuis lors, le Centre a maintenu et développé la tradition de la collaboration entre sémioticiens lithuaniens et français, telle que Greimas l'avait initialement conçue. Plus largement, il constitue un canal d'information et un lieu de réflexion et de confrontation grâce auquel les chercheurs lithuaniens sont en permanence au contact des recherches sémiotiques les plus récentes dans le monde entier.

A partir et autour de la théorie sémiotique de Greimas, les objectifs du Centre sont principalement de développer la méthodologie des sciences humaines et sociales ; d'analyser les discours et plus généralement les pratiques créatrices de sens sur le plan culturel, social, politique ou autre dans le monde contemporain ; de former des chercheurs compétents pour l'analyse de tels discours ; et de favoriser le développement de recherches interdisciplinaires à caractère scientifique.

Le Centre Greimas en coopération avec Centre d'Etude de la Vie Politique Française dans le cadre du programme d'actions intégrées franco-lithuanien (GILIBERT) ont réalisé en 2003–2004 le projet de recherche ayant pour titre « Présence et représentation du corps dans la communication politique et la publicité ». Dans le cadre du même programme les mêmes deux équipes dont les directeurs sont Kestutis Nastopka et Eric Landowski travaillent en 2007–2008 sur le projet « Les pratiques sociales de goût ».

Les problèmes de la méthodologie font la base d'un séminaire interdisciplinaire qui propose chaque année un programme nouveau, aussi celle d'une semaine académique à Druskininkai qui a lieu à la fin de l'année scolaire et dont participants sont les étudiants et les professeurs des plusieurs universités de la Lithuanie.

Les résultats des études sémiotiques sont publiés dans les revues « Semiotika » dont l'éditeur était le Centre de Greimas (1-7, 1994–1999) et « Baltos lankos » édité par Saulius Žukas, l'ancien directeur du Centre Greimas. La publication de l'héritage de Greimas reste une des activités principales du Centre. Les professeurs du Centre ont préparé la publication de l'article « La quête de peur » avec le corpus des contes lithuaniens analysé, un volume complet des études de Greimas sur la mythologie lithuanienne (les études inédits y compris), les traductions de « Sémantique structurale » et de l'article « Sémiotique figurative et sémiotique plastique » (tous les deux avec une préface d'Eric Landowski).

A partir de 2005 Le Centre Greimas dirige un programme de maîtrise de sémiotique. En outre il comprend des cours de professeurs venus de France et des Etats Unis.

Direction du Centre:

Kęstutis Nastopka, professeur titulaire à l'université de Vilnius, docteur ès lettres.

Comité du programme de maîtrise de sémiotique:

Kęstutis Nastopka, président du comité.

Dalia Satkauskytė, maître de conférences à l'université de Vilnius, docteur en sciences humaines.

Arūnas Sverdiolas, maître de conférences à l'université de Vilnius, docteur en sciences humaines.

Nijolė Keršyte, lecteur à l'université de Vilnius, docteur en sciences humaines.

Saulius Žukas, directeur de la maison d'édition Baltos lankos, docteur en sciences humaines.

Contact:

Adresse du Centre :

Universiteto 5, Vilnius LT-01513. Tel./fax. +370 5 2 68 71 61

Courriel : greimocentras@flf.vu.lt

Web cite : http://www.gc.vu.lt/

ГРАНИЦЫ СЕМИОТИКИ
LES FRONTIÈRES DE LA SÉMIOTIQUE

Вячеслав Всеволодович Иванов
(Институт славяноведения РАН, Институт мировой культуры МГУ, Университет Лос-Анджелеса)
e-mail: ivanov@ucla.edu

Вопросы к обсуждению «границ семиотики»

1. Верно ли применение идеи соотношения «означаемого» (signifié Соссюра) или «плана содержания» (в глоссематике Ельмслева) = символизируемого (у Флоренского) и «означающего» = signifiant, плана выражения, «символизирующего», применительно ко всем неязыковым системам, описываемым как знаковые (семиотические), включая, например, абстрактную (беспредметную) живопись, непрограммную (и неоперную) музыку? Можно ли принять тезис Флоренского о влиянии символизируемого (в частности, религиозного содержания чудотворной иконы) на символизирующее и его составные части (скажем, краски и их сочетание на иконе)?
2. В какой мере полезно предложенное Соссюром понятие наук о «ценностях» («стоимостях» – valeur), объединяющее лингвистику, семиотику и экономическую теорию и лежащее в основе противопоставления синхронии и диахронии (описание современного состояния знаковой системы и ее истории)?
3. Каково соотношение знака и текста (являющегося главным объектом исследования представителей московско-тартуской школы)? Можно ли считать текст (а не только слова знаки, из которых он состоит) особого рода знаком?
4. Насколько методы исследования дискретных знаков (например, слов и других единиц языка) могут быть перенесены на непрерывные тексты (музыку, живопись, немонтажное кино, пользующееся кадром-эпизодом как основным приемом, внутри которого осуществляется панорамирование камеры без монтажной склейки, как в «Веревке» Хичкока и «Русском ковчеге» Сокурова)?
5. Применимы ли принципы семиотики к системам типа игр (аналогия языка и шахмат у Соссюра, языка математической системы символов и шахмат в книге Клини о метаматематике) и к биологическим системам коммуникации (ср. статью Бенвениста о танцах пчел)? Можно ли говорить о семиотике по отношению к генетическому коду (ДНК)?
6. Насколько полезно различение концепта «денотата» (референта-объекта) и самого знака, образующего треугольник (концепт – денотат – знак, см. напр., Введение в книге А. Черча о математической логике). Каково соотношение семиотики и семантической теории информации (например, у Бар Хиллела и Карнапа)? Насколько продуктивны вероятностные методы по отношению к знакам и текстам? Можно ли говорить о стохастической семиотике? В какой степени новейшие достижения и выводы квантовой теории информации (теорема Марголюса-Левитина, позволяющая оценить соотношение информации и времени, др.) могут способствовать сближению семиотики и теории информации? В какой степени эти научные дисциплины могут подкрепить понимание науки в целом (не только о знаках и текстах) как исследования по преимуществу возможностей дешифровки (ср. работу Шеннона о криптографии и новейшие исследования в этой области)?

Viatcheslav Vsevolodovitch Ivanov
(Institut d'études slaves de l'Académie des Sciences de Russie, Institut de la culture mondiale de l'Université d'Etat de Moscou, Université de
Los-Angeles)
courriel : ivanov@ucla.edu

« Les frontières de la sémiotique » : questions proposées au débat

1. Est-il légitime d'étendre l'idée de la correspondance entre le « signifié » chez Saussure (le plan du contenu chez Hjelmslev, le « symbolisé » chez Florensky) et le « signifiant » (le plan de l'expression, le « symbolisant ») à tous les systèmes non-linguistiques considérés comme systèmes de signes (systèmes sémiotiques), y compris la peinture abstraite (non-figurative) et la musique autre que « musique à programme » ou « musique d'opéra » ? – Peut-on accepter la thèse de Florensky sur l'influence du symbolisé (par exemple, du contenu religieux d'une icône miraculeuse) sur le symbolisant et ses composants (comme les couleurs et leurs combinaisons dans une icône) ?

2. Dans quelle mesure peut être utile la notion de science des « valeurs », proposée par Saussure, notion qui réunit la linguistique, la sémiotique et la théorie économique, et qui est à la base de l'opposition entre la synchronie et la diachronie (la description de l'état actuel d'un système sémiotique et celle de son histoire) ?
3. Quelle est la correspondance entre le signe et le texte (objet central des recherches des représentants de l'école de Moscou-Tartu) ? – Peut-on interpréter le texte (et pas seulement les mots et les signes qui le composent) comme un signe particulier ?
4. Dans quelle mesure les méthodes de recherche portant sur les signes discrets (par exemple, les mots et autres signes linguistiques) sont-elles transposables aux textes continus : musique, peinture, cinéma sans montage (celui qui utilise l'image-épisode comme élément de base lorsque la caméra opère sans montage, par exemple dans « La corde » de Hitchcock ou dans « L'Arche russe » de Sokourov) ?
5. Peut-on appliquer les principes de la sémiotique aux systèmes tels que les jeux (analogie entre la langue et le jeu d'échecs chez Saussure, entre le système des symboles mathématiques et le jeu d'échecs chez Kleene dans son livre sur la métamathématique) et aux systèmes de communication naturels (par exemple, l'article de Benveniste sur la danse des abeilles) ? – Peut-on imaginer une sémiotique du code génétique (ADN)?
6. Dans quelle mesure serait-il utile de faire la différence entre le concept de dénotat (« objet-référent ») et le signe même qui forme le triangle « concept-dénotat-signe », comme dans l'Introduction du livre de Church sur la logique mathématique ? – Quelle correspondance existe-t-il entre la sémiotique et la théorie sémantique de l'information (par exemple chez Bar-Hillel et Carnap) ? – Dans quelles mesures les méthodes probabilistes pourraient être productives appliquées aux signes et aux textes ? – Peut-on parler d'une sémiotique stochastique ? – Dans quelle mesure les dernières acquisitions et conclusions de la théorie quantique de l'information (le théorème de Margolus et Levitin permettant de mesurer la corrélation entre l'information et le temps etc.) peuvent-elles favoriser le rapprochement entre la sémiotique et la théorie de l'information ? – Dans la mesure où elles portent sur les possibilités du déchiffrement, (cf. l'ouvrage de Shannon sur la cryptographie et les dernières recherches dans ce domaine), ces recherches pourraient-elles être mises à profit par toute recherche scientifique, dans quelque domaine que ce soit (et pas seulement dans le domaine de la science des signes et des textes) ?

Jean-François BORDRON
(Université de Limoges, Séminaire intersémiotique de l'Université Paris – Sorbonne (Paris-IV))
courriel : bordron@club-internet.fr

SÉMIOTIQUE DES CULTURES ET PLANS D'IMMANENCE

La sémiotique analyse des objets qui ne semblent pas à première vue lui être spécifiques. Les textes appartiennent aussi bien à la littérature, à la philosophie et, d'une façon générale, à diverses pratiques herméneutiques. Les images relèvent souvent de l'histoire de l'art ou de disciplines particulières, les actions humaines de la sociologie ou de l'ethnologie et, bien sûr, la psychologie, surtout dans sa version cognitive, peut prétendre analyser ce que veut dire *comprendre* et *connaître* pour un organisme vivant. On sait par ailleurs que la sémiotique est née plusieurs fois, une fois de la philosophie et plus spécialement de la logique, une autre de la linguistique, une autre encore de l'anthropologie. Aucune de ces origines et aucun de ces voisinages n'est à renier mais, pris ensemble, ils imposent, par leur multiplicité même, de définir une perspective que l'on puisse dire proprement sémiotique. Il me semble que, pour répondre à cette interrogation, une réflexion sur la notion de *forme* peut être prometteuse et plus spécialement sur celle de *forme de signification*.
Je proposerai quelques réflexions sur ce thème et plus spécifiquement sur la possibilité d'inscrire cette notion dans le contexte de la sémiotique des cultures.

Жан-Франсуа БОРДРОН
(Лиможский Университет, Межсемиотический семинар Университета Сорбонна-Париж 4)
e-mail: bordron@club-internet.fr

СЕМИОТИКА КУЛЬТУР И ПЛАНЫ ИММАНЕНТНОСТИ

Семиотика анализирует объекты, которые на первый взгляд не кажутся для нее специфическими. Тексты берутся из литературы, философии и из различных герменевтических практик вообще.

Образы – из истории искусства или специальных дисциплин, действия человека – из социологии или этнологии. И, конечно, психология, особенно в ее когнитивной версии, может претендовать на анализ того, что означает *понимание* и *знание* для живого организма. Впрочем, мы знаем, что семиотика рождалась несколько раз, однажды из философии и конкретно из логики, потом из лингвистики, еще раз из антропологии. Ни один из этих источников и ни одна из соседних дисциплин не должны быть отвергнуты, но взятые вместе, именно из-за своей многочисленности, они вызывают необходимость определить перспективу, которую можно было бы назвать собственно семиотической. Мне кажется, чтобы ответить на этот вопрос, было бы перспективно задуматься над понятием *формы*, особенно *формы значения*.

Я предлагаю некоторые размышления на эту тему, в частности по поводу возможности вписать это понятие в контекст семиотики культур.

Виктор Константинович Финн
(Всероссийский институт научной и технической информатики РАН, Москва)
e-mail: finn@viniti.ru

Понятийный аппарат семиотики и возможность экспериментальной прагматики

Обсуждается проблема создания понятийного аппарата для уточнения идеи «понимание текста» (согласно Т.А. Ван Дейку и В. Кингу, это сложный когнитивный процесс). Существенной идеей является создание уточнения идеи Ч.С. Пирса о семиозисе, что требует характеризации предиката B (X, T, S): субъект X в ситуации S понимает текст T. Это предполагает задание устройства X (его знаний, словаря, логических возможностей), средств лингвистического анализа T и средств характеризации S (социальный и культурный контекст, возможности дополнительного информирования).

Рассматриваются две теоретические проблемы: возможность формулирования логики осмысленности (а не истинности-ложности), использование теории когерентности как теории истины (а не теории соответствия Аристотеля – Тарского).

Имеются также три практические проблемы, требующие применения методов машинного обучения к семиотическим объектам (текстам, обращениям пользователей к сети Интернет).

1. Дан класс текстов – отчетов о научных экспериментах и схема базы данных (БД). Требуется заполнить БД.
2. Даны два класса текстов по фиксированной теме и по другим, но близким темам. Требуется отнести новый текст к фиксированной теме.
3. По обращениям пользователей в сети Интернет определить их типологию.

Рассмотрение этих проблем может повлиять на развитие понятийного аппарата семиотики (и, в частности, прагматики).

Viktor Konstantinovitch Finn
(Institut de l'informatique scientifique et technique de l'Académie des Sciences de Russie, Moscou)
courriel : finn@viniti.ru

L'appareil conceptuel de la sémiotique et la possibilité d'une pragmatique expérimentale

Notre intention est d'interroger la possibilité de créer un appareil conceptuel qui permettrait de préciser ce qu'on appelle la compréhension du texte (processsus cognitif complexe, comme le montrent T.A. Van Dijk et W. Kintsch).

Il importe avant tout de spécifier la notion de sémiosis définie par Pierce, autrement dit, de caractériser le prédicat B (X,T,S) : le sujet X dans une situation S comprend le texte T. Il convient alors d'avoir à l'esprit le dispositif de X (ses connaissances, son dictionnaire, ses possibilités logiques), les outils linguistiques utilisés pour l'analyse linguistique de T et les informations suffisantes pour caractériser S (contexte social et culturel, accès à une information complémentaire etc.).

On se trouve ici en présence de deux problèmes théoriques : comment formuler une logique de l'intelligence qui soit autre que l'antagonique vérité/fausseté ? comment une théorie de la cohérence pourrait-elle être une théorie de la vérité (autre que la théorie de la correspondance d'Aristote et de Tarsky) ?

Restent trois problèmes d'ordre pratique dans l'étude des objets sémiotiques (textes, communications des utilisateurs sur Internet), qui pourraient être résolus avec les méthodes utilisées dans l' apprentissage assisté par ordinateur.

1. Soit une classe de textes, rapports des expérimentations scientifiques ainsi que le schéma d'une base de données (BD). Il est demandé de remplir la BD.
2. Soit deux classes de textes, sur un thème déterminé et d'autres sujets proches. Il est demandé de rapporter un nouveau texte au thème déterminé.
3. Comment constituer une typologie des communications des utilisateurs sur Internet.

L' étude de ces problèmes pourrait aider à l'élaboration de l'appareil conceptuel de la sémiotique (en particulier, de la pragmatique).

СЕМИОТИКА СТРАСТЕЙ
SÉMIOTIQUE DES PASSIONS

Jacques FONTANILLE
(Université de Limoges, Institut Universitaire de France, Paris)
courriel : jacques.fontanille@unilim.fr

SÉMIOTIQUE DES PASSIONS, QUÊTE DU SENS ET RENCONTRES INTERDISCIPLINAIRES

On se propose de faire d'une part un bilan théorique et méthodologique de la sémiotique des passions, presque vingt ans après le début des premières explorations, fondées sur l' «existence modale» des actants, et sur les «modalités de l'être». Les principaux jalons de ce parcours sont la *Sémiotique des passions* de Greimas et Fontanille (PUF, 1991), *Tension et signification* de Fontanille et Zilberberg (Mardaga, 1998), et enfin *Passions sans nom* de Landowski (PUF, 2003). Le parcours consiste en un approfondissement progressif de l'hypothèse initiale qui, partant des effets passionnels lexicalisables des différents rôles actantiels engagés dans les séquences narratives, aboutit finalement à une interrogation des passions fondamentales, inhérentes aux tensions de l'expérience sensible, et notamment aux tensions propres à la quête du sens dans les pratiques sémiotiques, individuelles et collectives.

Il s'agit en somme de caractériser la *semiosis* comme passion et émotion, et de replacer le corps sensible, le corps de l'actant ému et passionné au cœur de la quête du sens.

Жак ФОНТАНИЙ
(Лиможский Университет, Университетский институт Франции, Париж)
e-mail: jacques.fontanille@unilim.fr

СЕМИОТИКА СТРАСТЕЙ, ПОИСК СМЫСЛА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Спустя почти 20 лет после начала первых исследований, основанных на «модальном существовании» актантов и на «модальностях бытия», предлагается подвести теоретический и методологический итог семиотике страстей. Основными вехами этого пути являются «Семиотика страстей» Греймаса и Фонтания (PUF, 1991), «Напряжение и значение» Фонтания и Зильберберга (Mardaga, 1998), и, наконец, «Страсти без названия» Ландовского (PUF, 2003). Данный путь состоит в последовательном углублении изначальной гипотезы, которая, исходя из лексикализуемых страстных эффектов различных актантных ролей, вовлеченных в нарративные последовательности, приходит в конечном итоге к вопросу о фундаментальных страстях, присущих напряжению чувственного опыта, а особенно напряжению, свойственному поиску смысла в семиотической, индивидуальной и коллективной практике.

В целом речь идет об определении *семиозиса* как страсти и эмоции и о помещении чувствующего тела, тела взволнованного и страстного актанта в центр поиска смысла.

Дайнюс Вайтекунас
(Вильнюсский педагогический университет)
e-mail: dvaitiekunas@yahoo.fr

Страсть в семиотике А.Ж. Греймаса и Ю.М. Лотмана

Как для А.Ю. Гремаса, так и для Ю.М. Лотмана семиотическим объектом были самые различные процессы значения: литературные и нелитературные, вербальные и невербальные. Как значимый процесс трактовались и страсти. Оба семиотика начали последовательнее описывать страсти, получив большой опыт анализа процессов значения, уже сконструировав обязательные для семиотического анализа основы. А.Ю. Греймас уделял много внимания теоретическим предпосылкам семиотики страстей вообще, случаям дисфории и эйфории в дискурсе, лексическому изучению случаев злости и ностальгии. Ю.М. Лотман стремился вписать страсти в общий механизм текста и культуры, отдельно выявлял место стыда и страха в культуре.
Оба семиотика, каждый своим путем, стремились определить страсть как семиотический объект, не совпадающий с объектом психологии и других дисциплин, неравнодушных к состоянию души человека. И для А.Ю. Греймаса, и для Ю.М. Лотмана описание страстей было одним из важных шагов на пути обновления семиотической методологии.

Dainius Vaitiekūnas
(Université pédagogique de Vilnius)
courriel : dvaitiekunas@yahoo.fr

La passion dans la sémiotique de A.J. Greimas et celle de Y.M. Lotman

A.J. Greimas et Y.M. Lotman considéraient l'un et l'autre comme objets sémiotiques les processus de signification les plus divers: littéraires et non-littéraires, verbaux et non-verbaux. La passion pouvait alors être regardée comme processus signifiant.
Les deux sémioticiens ont entrepris la description de la passion après de longues recherches sur l'analyse des processus de la signification et en disposant déjà de bases sûres pour construire une analyse sémiotique de ce nouvel objet.
A.J. Greimas a choisi de prendre en compte les prémisses théoriques de la sémiotique des passions en général, les manifestations de la dysphorie et de l'euphorie dans le discours, l'étude lexicale de la méchanceté et de la nostalgie, par exemple.
Y.M. Lotman a fait le choix de décrire la passion comme l'écriture d'un texte dans une culture donnée. A noter qu'il attribuait à la honte et à la peur une place à part dans la culture.
Les deux sémioticiens, chacun à sa façon, ont essayé de décrire la passion comme un objet sémiotique, sans lien avec l'objet d'étude qui est celui de la psychologie ou d'autres disciplines étudiant les états d'âme.
Pour A.J. Greimas comme pour Y.M. Lotman la description des passions était un champ d'étude où pouvait se renouveler la méthodologie sémiotique.

Инна Геннадьевна Меркулова
(Российский центр науки и культуры в Париже – Представительство во Франции Росзарубежцентра при МИД РФ, Университет Сорбонна–Париж 4)
e-mail: inna.merkoulova@rambler.ru

Говорить и не сказать: страстный персонаж одной пьесы Бернара-Мари Кольтеса

Можно ли говорить не говоря на самом деле, говорить и не сказать, и в какой ситуации это происходит? Чтобы ответить на этот вопрос, мы предлагаем анализ одного из самых известных текстов французского драматурга Бернара-Мари Кольтеса «Ночь перед лесами». Пьеса, которая состоит из единственной фразы длиной в 60 страниц, задает читателю и режиссеру много загадок: «Одно ли это высказывание?», «Монолог ли это?», «Как понять отсутствие финальной точки в конце?» и т. д.
Кажется, что ответы кроются в самой речи персонажа: это слова «без слов», которые не говорят «что-то», а скорее произносятся «сами собой»: вольно, в сторону, едва. Подобный дискурс отлича-

ется особым временным режимом: он постоянно возвращается к отправной точке, как если бы шел по спирали, и его построение напоминает музыкальную структуру фуги.
Этот своеобразный временной режим характерен для дискурсивного выражения страсти: поведение персонажа отличается *чрезмерностью*, он охвачен *центростремительными страстями*, такими, как *страх*, в частности, страх потерять собеседника.
В ходе нашего доклада мы представим результаты анализа страстного дискурса в литературном тексте, а также постараемся еще раз показать, что страсть – это не только литературный сюжет, но и предмет исследования гуманитарных наук вообще и семиотики в частности.
Мы будем опираться на основные положения как собственно семиотических (A.J. Greimas, J. Fontanille*, Sémiotique des passions. Des états de choses aux états d'âme*, 1991, рус. перевод: А.Ж. Греймас, Ж. Фонтаний, «Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души», 2007; E. Rallo Ditche, J. Fontanille, P. Lombardo, *Dictionnaire des passions littéraires*, 2005), так и философских работ (F. Jullien, *Si parler va sans dire. Du logos et d'autres ressources*, 2006), а также использовать методы формальной компьютерной лингвистики центра «ЛАЛИК» университета Сорбонна-Париж 4.

Inna Guennadievna MERKOULOVA
(Centre de Russie pour la Science et la Culture à Paris, Représentation en France du Roszaroubejcentre auprès du MAE de Russie, et Université de Paris – Sorbonne (Paris-IV))
courriel : inna.merkoulova@rambler.ru

PARLER SANS DIRE : LE SUJET PASSIONNÉ DANS UNE PIÈCE DE BERNARD-MARIE KOLTÈS

Comment parler sans dire, sans avoir jamais effectivement parlé, et dans quelle situation ? Pour tenter de répondre à cette question, nous proposons d'analyser un des textes les plus célèbres du dramaturge français Bernard-Marie Koltès *La nuit juste avant les forêts*. La pièce se compose d'une seule phrase qui dure 60 pages et pose le lecteur et le metteur en scène devant un certain nombre d'énigmes : est-ce un seul énoncé ? est-ce un monologue ? comment comprendre l'absence du point final à la fin ? etc.
Il semble que les réponses puissent être trouvées dans le discours même du personnage : c'est une parole « sans parole », elle ne dit pas « quelque chose » mais plutôt se laisse se dire : au gré, à côté, à peine. Un tel discours est marqué par un régime temporel spécifique : il revient toujours à son point de départ, repart en spirale, et son développement rappelle la structure musicale de la fugue.
Ce régime temporel particulier est bien le propre d'une manifestation discursive passionnelle : le comportement du personnage se caractérise par *l'excès*, le sujet est envahi par des *passions centripètes* telles que *la peur*, et en particulier la peur de perdre son interlocuteur.
Nous présenterons les résultats de l'analyse du discours passionnel dans un texte littéraire, ce qui peut démontrer une fois encore que la passion n'est pas seulement un *sujet* de littérature mais aussi un *objet* d'étude pour les sciences humaines, en particulier la sémiotique.
Nous nous appuierons sur les thèses des ouvrages proprement sémiotiques (*Sémiotique des passions. Des états de choses aux états d'âme*, d'A.J. Greimas et J. Fontanille, 1991/2007 – trad. russe, *Dictionnaire des passions littéraires*, d'E. Rallo Ditche, J. Fontanille et P. Lombardo, 2005), sur celles des ouvrages philosophiques (*Si parler va sans dire. Du logos et d'autres ressources*, de F. Jullien, 2006) et nous utiliserons les méthodes de la linguistique formelle développées dans le laboratoire LALIC de l'Université Paris-Sorbonne (Paris-IV).

Heidemarie TOELLE
(Université Paris III – Sorbonne Nouvelle)
courriel : toelle.heidi@wanadoo.fr

LA PASSION AMOUREUSE DANS LES GRANDS ODES PRÉ-ISLAMIQUES APPELÉES MU'ALLAQÂT

Les sept grandes odes pré-islamiques, connues sous le nom de Mu'allaqât, sont composées de trois parties: du «prologue amoureux» (nasîb), du voyage (rahîl), qui comporte une description détaillée de la monture (chamelle et/ou cheval) du je-poète, enfin, de l'éloge de soi, de la tribu ou d'un personnage important (fakhr ou madîh), remplacée, dans l'une des Mu'allaqât, par une description de la pluie. On considère, en général, que cet agencement est de pure forme et que les trois parties sont simplement juxtaposées et sans lien sémantique les unes avec les autres.

Or, le «prologue amoureux» consiste en une réminiscence de la passion amoureuse qui avait jadis lié le je-poète à sa bien-aimée et, surtout, en une réminiscence de la douleur ressentie lors de sa séparation d'avec elle. A y regarder de plus près, ce «prologue» encadre donc l'ensemble du parcours du je-poète, puisqu'il se situe narrativement à la fois au début et à la fin de celui-ci. Nous essayerons donc de montrer qu'il existe bien un lien organique entre les trois parties de la Mu'allaqa et que la passion amoureuse et la perte de l'aimée commandent et imprègnent l'ensemble du poème et, partant, le devenir du poète qui se transforme peu à peu en sujet de faire et acquiert ainsi les qualifications qui feront de lui un héros au service de sa tribu, sans pour autant cesser d'aimer et de souffrir. Nous tenterons également d'émettre quelques hypothèses sur les raisons pour lesquelles dans l'un de ces poèmes la troisième partie n'est pas composée d'un éloge, mais d'une description de la pluie.

Хайдемари Тоэль
(Университет Париж III – Новая Сорбонна)

e-mail : toelle.heidi@wanadoo.fr

Любовная страсть в великих доисламских одах, называемых Му'аллакат

Семь великих доисламских од, известных под названием Му'аллакат, состоят из трех частей: из «любовного пролога» (насиб), путешествия (рахиль), которое включает в себя детальное описание верховых животных (верблюдицы и/или лошади) поэта-автора, и наконец, восхваления себя, рода или какого-либо важного персонажа (факр или мадих), которое в одной из од заменяется описанием дождя. Как правило, считается, что это чисто формальная конструкция, в которой три части просто соседствуют друг с другом, не будучи семантически связанными.

Однако «любовный пролог» состоит из воспоминаний о любовной страсти, которая когда-то связывала поэта-автора с его возлюбленной, особенно из воспоминаний о боли, возникшей в момент расставания с ней. При более близком рассмотрении этот «пролог» обрамляет весь путь поэта-автора, поскольку располагается одновременно в начале и в конце повествования. Мы попытаемся показать, что существует органическая связь между тремя частями Му'аллака и что любовная страсть и потеря любимой наполняют всю поэму и управляют ею, а следовательно и становлением поэта, который постепенно превращается в действующего субъекта и приобретает качества, которые делают из него героя, служащего своему роду, хотя и не перестающего любить и страдать. Мы постараемся также предложить несколько гипотез, объясняющих причины того, почему в одной из этих поэм третья часть представляет собой не восхваление, а описание дождя.

СЕМИОТИКА МИФА И ФОЛЬКЛОРА
SÉMIOTIQUE DU MYTHE ET DU FOLKLORE

Дайнюс Разаускас
(Институт литовской литературы и фольклора, Вильнюс)

e-mail: liaudies.kultura@llkc.lt

Пенка семиотики на молоке мифопоэтической образности: Альгирдас Жюльен Греймас или Альгирдас Юлюс Грейма?

Альгирдас Жюльен Грейм**á**с в первую очередь, разумеется, известен как крупный французский семиотик, разработавший определенную систему «исчисления смысла», если можно так выразиться, и на ее основе создавший целую школу. Однако существует и «другой» Греймас, который не умещается в созданную им самим систему и время от времени прорывается сквозь нее своего рода афоризмами, вряд ли поддающимися семиотическому «вычислению». Например: «Только такие вещи, как смерть и то, что ты сделал со своей жизнью, только они единственные имеют смысл» – кстати, высказывание это из книги, названной *Ouvertures m é t a sémiotiques*.

Некоторые такого рода высказывания Греймаса по сути могли бы быть приписаны какому-нибудь восточному мистическому учению.

Так, «весь воспринимаемый мир становится полем поиска значения… Значение может находиться под каждым воспринимаемым образом, оно находится *за* звуками и *за* образами, запахами и вку-

сами, но в то же время его нет в *самих* звуках или образах». Не потому ли в древнеиндийской и порожденной ею буддийской традициях разум считается шестым чувством – чувством восприятия значения?

С другой стороны, греймасовская «экстериоризация и интериоризация ценностей» напоминает юнгианскую проекцию и интеграцию содержаний бессознательного (вопреки сопротивлению со стороны некоторых представителей «французской школы» Юнгу и его учению).

Иногда это доходит до сомнений в существовании самой действительности. «Действительно, психологи утверждают, что дети до определенного возраста при просмотре телевизионных передач не отличают ‘реально’ существующих персонажей от выдуманных существ, ‘реальных’ поступков и происшествий от чистых фантазий. В этом открывается особая область исследований: как получается, что, начиная с такой путаницы, ‘действительность’ постепенно усваивается все больше, другими словами, достигается картина мира, соответствующая ‘здравому уму’». При этом слово ‘действительность’ Греймас всюду берет в кавычки.

Но когда Греймас «возвращается» в Литву – а его литовское происхождение ни для кого не секрет, – он полностью погружается в мистику такого рода – мистику в самом глубоком и самом положительном смысле, – повод для которой он обнаруживает даже в самом литовском языке. По словам Греймаса, «Действительность – это лишь то, во что верят»: *T i k r o v ė yra tiktai tai, kuo t i k i m a*. Дело в том, что лит. *tikrovė* ‘действительность’ и *tikėti* ‘верить’ – слова одного корня, и это, каким бы ни было «действительное» их семасиологическое соотношение, побуждает Греймаса в самом языке узреть не только своего рода фильтр определенного мировосприятия (вполне в гумбольдтовском духе), но и решающий фактор формирования соответствующей «действительности» вообще.

Так, по его словам, «язык определенного общества является своего рода суперструктурой, почти самостоятельно существующий мир понятий, облеченных в слова, явно отражающий ‘качество’ употребляющего его общества». Потому что, в конечном счете, «язык – это то, что нами управляет», поскольку «мы утонули и плаваем в языке», и «не мы говорим при помощи языка – это язык говорит в нас».

И это относится не только к языку, но и к мифологии, самым тесным образом связанной с языком. «Я думаю, – говорит Греймас, – что греческая мифология уже была греческой философией: превращение этой мифологии в произведения Сократа и Платона породило философию. Другими словами, мифология – это философия, закодированная в обра-зах». Следовательно, литовская мифология подразумевает «закодированную в образах» литовскую философию. Наконец, «то, что в других, более ранних обществах было сакрально, теперь для нас превратилось в поэзию. Иными словами, поэзия – это современная форма сакрального», в свою очередь, «язык мифологии – это, в социальном плане, соответствие индивидуального поэтического языка».

Изучению и реконструкции литовской мифологии, и посредством этого – литовского традиционного образа мира, литовской мифопоэтической «философии» Греймас посвятил, очевидно, не меньше времени и сил, чем французской семиотике, которую он, по его убеждению, на материале литовской мифологии лишь применил практически. Но мне представляется, наоборот, что на самом деле Греймас здесь наконец почти полностью вырвался из своей семиотики, благодаря которой он стал известен во всем мире, и всем сердцем отдался той «философии», которую нашел в литовской мифологии и в литовском языке и которая в его трудах, посвященных ей, нашла одно из самых удачных современных воплощений.

Но это уже не всемирно известный французский семиотик Альгирдас Жюльен Грейм**á**с, а менее известный, но не менее выдающийся литовский мифолог Альгирдас Юлюс Гр**é**ймас, в то время как разработанная *первым* семиотическая наука представляется, – обратившись к поэтическому образу, подсказанному самим именем *второго*, т.е. опять же к литовскому языку, – не более чем «пенкой», по-литовски *greimas*, затвердевшей на вечно жидком и питающем воображение «молоке» мифопоэтической образности.

Dainius RAZAUSKAS
(Institut de la littérature et du folklore lithuanien, Vilnius)
courriel :liaudies.kultura@llkc.lt

LA PEAU-CRÈME DE LA SÉMIOTIQUE RECOUVRE LE LAIT DE LA FIGURATIVITÉ MYTHO-POÉTIQUE : ALGIRDAS JULIEN GREIM*A*S OU ALGIRDAS JULIUS GR*E*IMAS ?

Algirdas Julien Greimas est connu comme un sémioticien français important qui a élaboré un système original de « calcul du sens » et qui en a fait la base de toute une école sémiotique. Mais il existe un « autre » Greimas, un Greimas en dehors du système qu'il avait lui-même créé, et qui s'exprime alors avec des aphorismes difficiles à « calculer » et à mesurer avec des outils sémiotiques. Son livre *Ouvertures métasémiotiques*, par exemple, présente une réflexion sur la mort et sur ce que chacun fait de sa vie, comme étant la seule chose qui ait un sens. Certaines des pensées de Greimas pourraient même figurer dans une théorie mystique orientale.

Dans cette perspective, le monde perçu devient un champ de recherche de significations, mais la signification, si elle peut se trouver *derrière* les sons et les images, ne réside en aucun cas *dans* ces sons et ces images. Une semblable conception pourrait, peut-être, renvoyer à la tradition de l'Inde Ancienne et à une approche bouddhique ou la raison est interprétée comme le sixième sens, celui qui perçoit les significations.

D'autre part, les conceptions de Greimas sur l'extériorisation et l'intériorisation des valeurs renvoient aux notions de projection et d'intégration des contenus de l'inconscient telles que les définit Jung (bien que les représentants de « l'école française » de la théorie de Jung soient le plus souvent en désaccord avec cette idée).

Exprimer des doutes sur la réalité de l'être n'a rien d'extraordinaire. Comme le souligne Greimas, les psychologues affirment que les enfants qui, tout jeunes, regardent la télévision, ne font pas de différence entre les personnages réels et les êtres imaginaires, entre les actions réelles et les plus étranges fantaisies. Ainsi peut se dessiner un nouveau paradigme de recherche : passer de la confusion initiale à une meilleure compréhension de la « réalité », ou, en d'autres termes, passer à une image du monde qui réponde à un « esprit sain ». A noter que Greimas met partout entre guillemets le terme de 'réalité'.

Mais, lorsque Greimas « revient » en Lithuanie (ses origines lithuaniennes sont connues de tous), la langue lituanienne même lui apporte de quoi nourrir cette sorte de mystique. Pour Greimas, la réalité n'est rien d'autre que ce à quoi on croit. *T i k r o v ė yra tiktai tai, kuo t i k i m a*. En lithuanien, *tikrovė* 'réalité' et *tikėti* 'croire' ont la même racine, et ce fait, malgré un rapport séméiologique entre ces termes, conduit Greimas à considérer la langue non seulement comme une sorte de filtre à travers lequel le monde est perçu mais comme le facteur déterminant de la construction même de la « réalité ».

Ainsi, selon lui, la langue est une super-structure de la société, un monde autonome de notions inscrites dans les mots; elle explicite les qualités de la société qui l'utilise. Nous sommes régis par la langue, nous nageons en elle, ce n'est pas nous qui parlons la langue, c'est la langue qui nous parle.

Tout cela concerne la langue mais aussi la mythologie qui lui est liée. Selon Greimas encore, la mythologie grecque était déjà une philosophie, c'est la transposition de la mythologie dans les œuvres de Socrate et de Platon qui a fait naître ce qu'on appelle la philosophie. Autrement dit, la mythologie est la philosophie codée sous une forme figurative. La mythologie lithuanienne inclut donc une philosophie lithuanienne codée sous forme d'images. Ce qui était sacral dans les sociétés premières, est, dit-il, devenue pour nous poésie. La poésie représente donc une forme moderne du sacré, et, sur le plan social, la langue des mythes est à mettre en correspondance avec la langue poétique individuelle.

Greimas semble avoir consacré à l'étude et à la reconstruction de la mythologie lithuanienne et de l'image du monde lithuanien ainsi qu'à la « philosophie » lithuanienne mythopoétique autant de temps et de forces qu'à la sémiotique française où, selon ses propres termes, il n'a fait qu'appliquer les concepts de la mythologie lithuanienne.

En ce qui me concerne, je pense que Greimas, dans ce nouveau domaine de recherches, est véritablement sorti du champ de la sémiotique qui l'a rendu célèbre dans le monde entier. Il s'est alors entièrement consacré à l'étude de cette « philosophie » présente dans la mythologie et dans la langue lithuanienne. Ses travaux sont en eux–mêmes une des meilleures incarnations contemporaines de cette mythologie.

Il ne s'agit plus alors d'Algirdas Julien Greim*A*s, le sémioticien français mondialement connu, mais d'Algirdas Julius Gr*E*imas, mythologue moins célèbre mais tout aussi grand. La science sémiotique élaborée par Greim*A*s se présente donc, dans un langage poétique inspiré par le nom même de Gr*E*imas

(qui en lithuanien signifie la « peau-crème » du lait: *greimas*), comme la peau-crème qui recouvre le « lait » de la figurativité mytho-poétique.

Мария Вячеславовна Завьялова, Татьяна Владимировна Цивьян
(Институт славяноведения РАН, Москва)
e-mail: marija_z@mtu-net.ru; tvcivjan@yandex.ru

Aušrinė – Mėnulis – Saulė: об одном мифопоэтическом романе

Из народной памяти (*tautos atminties*) А. Греймас извлекает сюжет о любовном треугольнике небесных светил. Две красавицы, Утренняя звезда *Aušrinė* и Солнце *Saulė* по вине Месяца *Mėnulis* оказываются соперницами: он заводит роман с *Aušrinė*, но ревнивая *Saulė* выслеживает их и разоблачает (A.J. Greimas 1990). Среди текстов, в которых проступает этот сюжет, Греймас учитывает загадки о *росе*, обязательном атрибуте *Aušrinė* (причем роса выступает в «твердой» ипостаси – в виде бусин из ожерелья *Aušrinė* и др.). Этот тип загадок хорошо известен в балто-славянском ареале, ср. лит., *ėjo panaitė, pametė perlus (raktus), mėnulis matė, bet nesakė, o saulė surinko* ‘шла девица, потеряла жемчуг (ключи), месяц видел, но не сказал, а солнце подобрало’; лтш. *jaunava pazaudēja pērles: mēness atrada, saule paglabāja* ‘девушка потеряла жемчужины: месяц нашел, солнце подобрало’; рус. *заря заряница, красная девица, по полю ходила, ключи обронила, месяц видел, не сказал, солнце увидало, подняло*; бел. *ехала пані ўначы, пагубіла ключы, сонца ўкрала, месяц бачиў* и др. Метеорологическая метафора прозрачна и связана с *водой* (для славянских загадок Афанасьев даже усматривает в *ключах* значение *ключ-источник* – к мотиву отмыкания *вод*), с оппозицией *мрак-холод/свет-тепло*, т. е. объясняет «механизм росы». Столь же легко объясним и второй метафорический слой, *роса-драгоценный камень* (капли, сверкающие на солнце). Мифологические реконструкции *водных* мотивов (с учетом *росы*) приводят к связи *Aušrinė* с морем, далее с морскими конями, через это со *скотом* (небесным или водным стадом), и завершаются так называемым «основным мифом» (Иванов-Топоров), в сюжет которого входит и «семейный» фрагмент: конфликт треугольника *Громовержец – его жена – его противник Змей*. Эта схема просматривается и в текстах загадок, но с иным гендерным раскладом персонажей. Возможно, под давлением языковой матрицы (*солнце* ж.р.), в литовском и латышском сюжете место соперни**ков** занимают соперни**цы**, а место поединка – выслеживание и своего рода коварство. (О вторичном гендерном витке – появление в загадках на месте *Aušrinė* мужского персонажа, опознаваемого по потерянным предметам, например, запонки, пряжка от ремня, стремя – будет сказано особо). Мотив потери (ожерелья и особенно ключей) получает эротический оттенок, мотивы *пути* и *моста* могут указывать на свадебные rites de passage, а весь сюжет приобретает иную тональность. «В литовской мифологии сближение Сауле и Аушрине, их соперничество является одним из ярких, бесспорных, но до сих пор еще не дождавшихся какой-то глобальной, удовлетворительной интерпретации, фактов. Любовь Менулиса к Аушрине – одна из самых болезненных, широко известных трагедий мира богов», – пишет Греймас. Литовские (и шире – балто-славянские) загадки, при всей их однотипности и клишированности, обнаруживают тонкую игру на деталях, сдвигах, недомолвках, давая простор «мифопоэтическим» гипотезам и реконструкциям и вызывая к жизни глубину *tautos atminties*.

Maria Viatcheslavovna Zavialova, Tatiana Vladimirovna Tsivian
(Institut d’études slaves de l’Académie des Sciences de Russie, Moscou)
courriel : marija_z@mtu-net.ru; tvcivjan@yandex.ru

Aušrinė – Mėnulis – Saulė: à propos d’un roman mytho-poétique

Dans la mémoire populaire (*tautos atminties*) A.Greimas retient le thème du triangle amoureux des astres. Deux beautés, *Aušrinė* (Etoile du matin) et *Saulė* (Soleil), qui, par la faute de *Mėnulis* (Croissant de lune), deviennent rivales : *Mėnulis* commence un roman avec *Aušrinė*, mais la jalouse *Saulė* les guette et les surprend en flagrant délit (A.J. Greimas 1990). Parmi les textes ou ce thème est présent, Greimas retient l’énigme de la *rosée*, attribut d’*Aušrinė* (à noter que la rosée se présente dans sa variété « dure », comme les perles du collier d’*Aušrinė* etc.). Ce type d’énigme est très connu dans les territoires balto-slaves, cf. lith. *ėjo panaitė, pametė perlus (raktus), mėnulis matė, bet nesakė, o saulė surinko* ‘la jeune fille marchait et a perdu les perles (les clés), le croissant a vu mais n’a rien dit, et le soleil les a ramassées’; lett. *jaunava pazaudēja pērles: mēness atrada, saule paglabāja* ‘la jeune fille a perdu les perles, le croissant les a

trouvées et le soleil les a ramassées'; rus. *заря заряница, красная девица, по полю ходила, ключи обронила, месяц видел, не сказал, солнце увидало, подняло* 'l'aurore, belle enfant, était dans les champs, a perdu les clés, le croissant a vu mais n'a rien dit, le soleil a vu et les a ramassées' ; biel. *ехала пані ўначы, пагубіла ключы, сонца ўкрала, месяц бачиў* 'la dame allait et a perdu les clés, le soleil les a prises et le croissant l'a vu' etc.

La métaphore météorologique est très explicite et liée à *l'eau* (dans les énigmes slaves, Afanassief considere que les *clés* portent la signification de *clé-source*, exprimant le motif de l'ouverture des *eaux*), avec l'opposition *obscurité-froid/lumière-chaleur*; la métaphore rendrait donc compte du mécanisme de la rosée. Le deuxième niveau métaphorique est aussi relativement clair: *la rosée – pierre précieuse* représente les gouttes qui brillent au soleil. Les reconstructions mythologiques des motifs de *l'eau* (y compris de la *rosée*) lient *Aušrinė* à la mer, aux hippocampes et donc aux *bestiaux* (au troupeau du ciel ou de la mer) et se terminent par le « mythe de base » (Ivanov – Toporov) qui comprend un fragment « familial » : le conflit dans le triangle : *Le Jupiter Tonnant – son épouse – son ennemi Le Dragon*. On retrouve le même schéma, suivi du changement de genre des personnages, dans les textes des énigmes. C'est probablement la matrice linguistique (*soleil*, nom au féminin en lithuanien) qui induit, dans le texte lithuanien et lettone, que la place des rivaux soit attribuée aux rivales, et que le combat se transforme en un jeu de piste astucieux. (On étudiera séparément l'autre changement de genre des personnages, les énigmes où *Aušrinė* est remplacée par un personnage masculin, reconnaissable par exemple aux objets qu'il perd : boutons de col, boucle, étrier etc.). Le motif de la perte du collier, et surtout des clés, est porteur d'un certain érotisme, les motifs de la *voie* et du *pont* renvoyant aux rites de passage lors du mariage, et le thème reçoit alors une tonalité différente.

Selon Greimas, dans la mythologie lithuanienne, le rapprochement et la rivalité de Aušrinė et Saulė sont très parlants (l'amour de Mėnulis pour Aušrinė est une des tragédies les plus célèbres du monde des dieux) mais n'ont pas encore reçu d'interprétation satisfaisante. Malgré leur aspect typique, les énigmes lithuaniennes, et plus largement balto-slaves, se distinguent des autres par un jeu sophistiqué des détails, des déplacements, des réticences etc. Et ceci donne à chacun le champ libre pour formuler des hypothèses « mythopoétiques » et donner place à la profondeur de *tautos atminties*.

Альберт Кашфуллович Байбурин
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург)
e-mail: ABaiburin@yandex.ru

Несколько замечаний о категории необратимости в фольклоре и ритуале

Категория необратимости используется в качестве характеристики времени. В моем сообщении речь пойдет о более широком (и, соответственно, менее строгом) понимании необратимости, которой придается скорее метафорический, а не физический смысл. Имеется в виду условная необратимость, возникающая в некоторых ситуациях, после которых не предполагается возвращения к прежнему состоянию. Например, считается, что после сватовства (после «пропоя») *назад пути нет*, свадьба должна состояться при любых обстоятельствах; сделка считается завершенной (*нельзя идти на попятную*) после того как «магарыч выпит» и под. (характерно, что формулы условной необратимости основаны на пространственной метафорике, в то время как безусловной – на временной: *молодости не воротишь* и др.). Ситуации такого рода имеют, как правило, ритуализованный характер, что неслучайно, поскольку ритуал стремится придать условной необратимости безусловный характер. В этом отношении показательно, что лексика, используемая для описания условной необратимости, как правило, принадлежит обрядовой сфере. В докладе особое внимание уделяется формульным выражениям необратимости, связанным с ритуальным *отпеванием, пропиванием и венчанием*.

Albert Kashfullovitch BAÏBOURIN
(Musée de l'anthropologie et de l'ethnographie Pierre le Grand, Saint-Pétersbourg)
e-mail: ABaiburin@yandex.ru

QUELQUES REMARQUES SUR LA CATÉGORIE DE L'IRRÉVERSIBILITÉ DANS LE FOLKLORE ET DANS LE RITE

La catégorie de l'irréversibilité est perçue comme une catégorie temporelle. Mon exposé portera sur un aspect plus large (et donc moins rigoureux) de l'irréversibilité, dont la signification est alors plus métaphorique que physique. Il s'agit de l'irréversibilité conventionnelle propre aux situations qui ne supposent pas de retour à l'état initial. Par exemple, après la demande en mariage suivie par la « beuverie » il n'y a plus de chemin de retour et le mariage doit avoir lieu, quelles que soient les circonstances. Un marché est conclus (on ne peut pas *revenir en arrière*) après que « la tournée est bue » etc. (Les formules de l'irréversibilité conventionnelle ont pour base une métaphorique spatiale alors que les formules de l'irréversibilité non-conventionnelle ont pour base une métaphorique temporelle : *on ne revient pas dans sa jeunesse* etc.). Ces situations ont habituellement un caractère ritualisé, ce qui n'est pas pour surprendre; le rite, en effet, tend à donner à l'irréversibilité conventionnelle un caractère non-conventionnel. En ce sens il est significatif que le lexique utilisé pour décrire l'irréversibilité conventionnelle appartienne habituellement à la sphère rituelle.
Nous étudierons plus particulièrement les formules de l'irréversibilité liées aux rites telles que *l'office des morts, la beuverie* et *le mariage religieux*.

Янина КУРСИТЕ
(Латвийский университет, Рига)
courriel : kursite@hotmail.com

СЕМАНТИКА ВОРОНА/ВОРОНЫ. ПО ПРЕДАНИЯМ КУРШСКОЙ КОСЫ

Ворон в представлениях как балтов, так и славян связан с хтоническим миром. С одной стороны, ворон оценивается негативно: он, как и ворона, является предвестником смерти. С другой стороны, во́роны и воро́ны являются медиаторами между профанным и сакральным, помогая человеку проникнуть в «иной» мир и овладеть сакральными знаниями: ведьма, колдун нередко появляются или сами в образе вороны/ворона, или ворон/ворона фигурируют в качестве спутников колдуна. На Куршской косе до Второй мировой войны проживали курсениеки – потомки выходцев из западной части Латвии Курземе. Их предки переселялись из Курземе на Куршскую косу особенно интенсивно в 15–18 вв. и сохранили как архаические черты курземского говора, так и старинные обычаи. Курсениеки вплоть до Второй мировой войны употребляли в пищу ворон. Существовал особый, строго регламентированный ритуал ловли ворон. Воро́ны стали одним из знаков идентичности курсениеков. В 1990-е годы курсениеки, проживающие в эмиграции в разных частях мира, решили поставить в Росситен (теперь поселок Рыбачий) памятный крест, на котором изображены разлетающиеся в четыре стороны воро́ны. Для курсениеков это символическое изображение судьбы их этноса, с одной стороны, и памятный знак ритуала ловли ворон, с другой стороны. Этот крест был поставлен в конце 1990-х гг. около местной церкви и несколько лет простоял, не привлекая особого внимания местных жителей, послевоенных переселенцев из областей России и Белоруссии. Нео-мифологический сюжет возник, когда несколько лет назад в Рыбачьем участились смертельные случаи, которые местные жители стали связывать с «вороньим» крестом и с якобы заложенном в воро́нах «немецким» (все, кто до войны жил на Куршской косе, для переселенцев ассоциировались с немцами) проклятием. Была найдена «колдунья из России», которая якобы сняла проклятие, но по рассказам, вскоре умерла сама. Хотя «проклятие было снято» и никаких из ряда вон выходящих смертей больше не последовало, образ ворон на кресте местным жителям казался неприемлемым, и в 2007 году крест был перенесен на немецкое кладбище. Таким образом, на сознание послевоенных переселенцев архетипический образ ворона/вороны подействовал сильнее, чем христианская форма креста и «успокаивающая» и поясняющая немецкая надпись на нем, что крест сооружен в память о довоенных жителях Росситен. Чужой язык надписи, чужая (лютеранская, а не православная) форма креста, и тем более вызывающие тревогу изображения ворон на кресте вместе с амбивалентным восприятием места проживания (Калининградская область – Восточная Пруссия) сделали из креста неомифологический феномен. Как представляется, основным и

определяющим компонентом для возникновения этого феномена послужило представление о воронах как знаке или предвестнике смерти, тем более что никто из жителей Рыбачьего не знал о древнем обычае курсениеков – ловле ворон. Мышление бинарными оппозициями (птицы верхнего мира – птицы нижнего мира; православный крест – не православный крест; русский язык – немецкий язык) оказалось живучим и в современных условиях, и послужило поводом для воссоздания неомифологического действия и новых «вороньих» текстов.

Janina KURSĪTE
(Université de Lettonie, Riga)

courriel : kursite@hotmail.com

SÉMANTIQUE DU CORBEAU / DE LA CORNEILLE:
SELON LES LÉGENDES DE LA LANGUE DE SABLE DE KURSHSKAYA

Dans la tradition balte et slave le corbeau est lié au monde chtonique. Il y reçoit une interprétation négative : comme la corneille, il annonce la mort. D'autre part, les corbeaux et les corneilles sont médiateurs entre le sacré et le profane, ils aident l'homme à pénétrer dans un « autre » monde pour accéder à des connaissances sacrées : la sorcière et le magicien prennent souvent la forme du corbeau/ de la corneille, ou bien corbeau ou corneille accompagnent le magicien. Jusqu'au début de la Deuxième guerre mondiale, la Langue de sable de Kurshskaya était le pays des kursenieks, descendants des habitants de l'est de la Lithuanie, le Kurseme. Leurs aïeux s'étaient installés dans la Langue de sable de Kurshskaya entre le 15ème et le 18ème siècles et ils avaient gardé les traits archaïques du patois de Kurseme ainsi que leurs traditions anciennes. Jusqu'au début de la Deuxième guerre mondiale, les kursenieks mangeaient les corbeaux et ils avaient un rituel particulier dans la chasse au corbeau. Les corbeaux sont alors devenus le signe de l'identité des kursenieks. Dans les années 1990, les kursenieks dispersés dans les monde entier ont décidé d'installer dans le bourg de Rossiten (Rybatchij) une croix mémorielle portant quatre corbeaux orientés aux quatre points cardinaux. Pour les kursenieks la croix symbolisait le destin de leur ethnie et elle était aussi un signe rappelant le rite de la chasse aux corbeaux. Cette croix a été placée dans les années 1990 près de l'église du lieu et pendant quelques années elle n'a pas particulièrement attiré l'attention des émigrés de Russie et de Biélorussie venus là après la guerre. Le thème néo-mythologique est apparu il y a quelques années, lorsque dans le bourg Rybatchij on a constaté un nombre inhabituel de morts. Les habitants ont alors relié ce fait à la présence de la « croix de corbeau » et à la malédiction « allemande » (dans l'esprit des habitants, ceux qui vivaient là avant la guerre étaient allemands) portés, selon eux, par les corbeaux de la croix. On a alors trouvé une sorcière russe qui a chassé la malédiction mais, d'après la rumeur, elle est elle-même morte rapidement. Bien que « la malédiction ait été chassée », et qu'il n'y ait plus eu de mort inexpliquée, il n'était plus possible aux habitants de tolérer plus longtemps les corbeaux de la croix. En 2007 la croix a été déplacée dans le cimetière allemand. Ainsi, l'image archétypique du corbeau/corneille a eu une influence plus importante sur la conscience des émigrés d'après guerre que la forme chrétienne de la croix qui portait pourtant une inscription « rassurante » en allemand disant que la croix avait été élevée en mémoire des habitants de Rossiten qui vivaient là avant la guerre. La langue étrangère de l'inscription, la forme étrangère (non pas orthodoxe mais luthérienne) de la croix et surtout les images inquiétantes des corbeaux, (de plus liées à une perception ambivalente du lieu, domaine de Kaliningrad – Prusse de l'Est) ont fait de la croix un objet néo-mythologique. Il semble que la perception des corbeaux comme signes ou messagers de la mort ait été déterminante, d'autant que les habitants de Rybatchij ignoraient la tradition ancienne des kursenieks, celle de la chasse aux corbeaux. Un système de pensée en oppositions binaires (les oiseaux du haut ou du bas monde, la croix orthodoxe ou non orthodoxe, la langue russe opposée à la langue allemande) est redevenue effectif dans les conditions de la vie actuelle, suscitant un fait néo-mythologique et de nouveaux « textes de corbeau ».

Татьяна Андреевна МИХАЙЛОВА
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

e-mail : tamih.msu@mail.ru

«ШИЛЕ-НА-ГИГ»: О ВОЗМОЖНОСТИ НЕСКОЛЬКИХ «ПРОЧТЕНИЙ» ЗНАКА

В основе небольшого исследования лежит изображение (горельеф) обнаженной женщины, демонстрирующей свои гениталии. Распространен-ные на всей территории и.е. ареала, в Ирландии эти

изображения появились достаточно поздно (после 11 в.), получили название «шиле-на-гиг» – «Шила с грудями» и традиционно, на уровне официальном, начали трактоваться как символы мерзостности плотского греха. Поэтому они обычно и изображались на зданиях церквей. В то же время народная традиция видела в них апотропеический символ защиты от непогоды и сил зла – шире. В то же время изначально эти изображения носили иной смысл: видимо, символизировали образ матери-земли, являющейся одновременно вместилищем предельной «бездны» (условно – Кали). Неоднозначность трактовки конвенционального изображения или жеста лежит в самой природе условности текста. Ср. также – официозная скульптура советского периода и ее архаические параллели.

Tatiana Andreevna MIKHAILOVA
(Université d'État de Moscou M.V. Lomonossov)
courriel : tamih.msu@mail.ru

« SHEELA-NA-GIG » : SUR LA POSSIBILITÉ DE PLUSIEURS « LECTURES » DU SIGNE

L'exposé est consacré à l'étude du haut-relief d'une femme nue qui montre ses organes génitaux. Répandus sur tout le territoire indo-européen, ces hauts-reliefs apparaissent relativement tard en Irlande (après le 11ème siècle) sous le nom de « Sheela-na-gig » (« Sheela aux seins ») et sont traditionnellement considérés comme symboles du péché charnel. C'est pourquoi ils sont souvent présents sur les bâtiments des églises. En même temps, la tradition populaire y voit le symbole de la protection du mauvais temps et des forces du mal en général. Mais ces hauts-reliefs avaient initialement un autre sens : ils représentaient l'image de la mère-terre qui contient un « gouffre » illimité (prénommée Kali).
L'ambiguïté de l'interprétation de l'image ou du geste conventionnel se trouve dans la nature même du texte, qui, lui aussi, est conventionnel. On peut aussi citer la sculpture officieuse de la période soviétique et ces parallèles archaïques.

Геннадий Иванович БЕРЕСТНЕВ
(Российский государственный университет имени Иммануила Канта, Калининград)
e-mail: g_berest@mail.ru

СЕМИОТИКА КЕНИГСБЕРГА: ХРАМ НА О. КНАЙПХОФ

Проблема «прочтения» культурных объектов обнаруживает новые и весьма яркие решения при ее рассмотрении с точки зрения аналитической психологии К.Г. Юнга. Признание того, что вся культурная деятельность человека связана с коллективным бессознательным, заставляет истолковывать конкретные объекты культуры как осуществления того или иного архетипа и соответствующим образом определять их семантику. Рассмотрение с этих позиций важнейшей идейной доминанты Кенигсберга, с одной стороны, проливает свет на глубинную культурную семантику собора, а с другой – обнаруживает интересные культурные параллели в более широком европейском контексте.
Некогда бывший самостоятельным городом Кнайпхоф составляет вместе с собором идеальную модель Космоса. В окружении вод Прегеля он моделирует первоначальную космологизированную зону в окружении хаоса, средоточие определенности в мире подвижности и неопределенности. В контексте христианства это реальное осуществление идеального города, отвечающего архетипическим представлениям об организации пространства. Это был как бы образ Небесного Иерусалима в его реальном материальном осуществлении.
Знаковый характер имеют и отдельные архитектурные элементы собора. Так, две башни на его западной стороне могут быть связаны с фундаментальными оппозициями *добро* и *зло*, *мужское* и *женское начала*, *сила* и *слабость* и т. д. Соответственно прохождение между ними будет пониматься как духовное преодоление человеком противоположностей бытия. Важнейшее обстоятельство, касающееся скрытой семантики храма, – его посвящение Деве Марии. В связи с этим некоторыми своими деталями он репрезентирует материнский архетип. Важную роль в семиотической организации храма играют и отношения подобия и различия между его архитектурными деталями. Таким путем выражается мысль о Боге как творце единых принципов, которые лежат в основе всех форм бытия. Создатели храма как бы говорят, что именно через игру форм в этих простейших соотношениях проявляется величие Господа.

Guennadi Ivanovitch BERESTNEV
(Université d'Etat de Russie I. Kant, Kaliningrad)

courriel : g_berest@mail.ru

SÉMIOTIQUE DE KÖNIGSBERG : CATHÉDRALE SUR L'ÎLE KNEIPHOF

Les objets culturels, regardés du point de vue de la psychologie analytique de Jung, deviennent l'objet de lectures originales. Si l'on admet que toute activité culturelle humaine renvoie à un inconscient collectif, il s'ensuit que toute production culturelle concrète peut être considérée comme la réalisation de tel ou tel archétype dont on peut désigner la sémantique. Considérer dans cette perspective la cathédrale de Königsberg permet de mettre en évidence la sémantique profonde de la cathédrale et invite à des rapprochements culturels avec d'autres objets culturels de l'espace européen.

Autrefois ville indépendante, l'île de Kneiphof constitue aujourd'hui avec la cathédrale un ensemble qui peut être considéré comme un modèle idéal du cosmos. Cet ensemble, entouré des eaux du Pregel, modélise une zone primaire cosmologisée au milieu du chaos, centre de formes déterminées dans un espace fluide et indistinct. Dans un contexte chrétien, cet ensemble peut être considéré comme la réalisation de la ville idéale correspondant à l'image archétypique de l'organisation de l'espace. Autrement dit, on pourrait voir là la réalisation matérielle de la Jerusalem Céleste.

L'architecture de la cathédrale est elle aussi signifiante. Les deux tours du côté ouest peuvent être mises en rapport avec les oppositions fondamentales *bien/mal*, *masculin/féminin force/faiblesse*, et le passage d'un terme de l'opposition à l'autre sera perçu comme une victoire spirituelle de l'homme.

La Cathédrale est consacrée à la Vierge Marie, ce qui induit une sémantique implicite de la construction, par exemple, certains détails représentent l'archétype maternel. Les ressemblances et les différences entre certains détails architecturaux prennent tout leur sens dans l'organisation sémiotique globale de la cathédrale. Ainsi s'exprime, dans certains de ces détails, le pouvoir de Dieu, créateur des principes à l'origine de toutes les forces de l'être.

Les constructeurs de la cathédrale semblent ainsi avoir dit que c'est à travers le jeu des formes et dans leurs corrélations élémentaires que la grandeur de Dieu est représentée avec le plus de justesse.

СЕМИОТИКА (ЯВЛЕНИЙ И ПРЕДМЕТОВ) КУЛЬТУРЫ
SÉMIOTIQUE DE LA CULTURE (PHÉNOMÈNES ET OBJETS)

Григорий Ефимович КРЕЙДЛИН
(Российский государственный гуманитарный университет, Москва)

e-mail: gekr@iitp.ru

КРАСИВЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ И ЛИНГВИСТИКИ

Настоящую работу можно считать начальным шагом на пути исследования универсальных и культурно-специфичных невербальных эстетических стереотипов в их взаимоотношении с вербальными стереотипами. Речь в докладе пойдет об особых движениях человеческого тела – не об утилитарных физиологических действиях, или «техниках тела» (Мосс 1935/1996), а о тех движениях, которые (а) **привлекают к себе внимание человека** и (б) **производят на него положительное эстетическое впечатление и позитивное воздействие**. Именно такие движения люди квалифицируют как 'красивые', и указанные свойства являются основными среди многих других характеристик красивых движений.

Красивые движения обладают специфическими морфологическими и семантическими характеристиками, а их языковая квалификация и оценка весьма разнообразны. В своих первых встречах и знакомствах с другими людьми мы часто строим свои суждения о них, об их характере и привычках, основываясь на чисто внешнем впечатлении, и тут движения и позы тела, равно как и мануальные жесты или их комплексы – прежде всего манеры поведения, – играют не последнюю роль. Красивые движения тела, как учили, в частности, неоплатоники, обозначают положительные качества человека, то есть наличие каких-то добродетелей, хотя в реальной жизни так бывает далеко не всегда.

Преимущественное отражение именно красивых движений в бытовых текстах или произведениях культуры, будь то литература, живопись или театр, является, по-видимому, одним из проявлений давно отмеченного специалистами в области прагматики принципа Полианны. Принцип Полианны привнесен в семиотику и лингвистику из психологии, где лет 30 назад была сформулирована гипотеза, согласно которой восприятие хорошего и приятного, а также позитивное отношение к благу и красоте как нормам жизни и естественным положениям дел в мире является основной и универсальной человеческой характеристикой. Согласно принципу Полианны человек в своих повседневных вербальных и невербальных семиотических актах чаще выражает красивое и хорошее, чем некрасивое и плохое, и в качестве средств выражения использует не только приятные и красивые слова, но также красивые жесты и телесные движения.

Одно из важнейших противопоставлений в сфере красивых движений – это противопоставление по полу. Судя по имеющемуся у меня материалу, чаще эстетические характеристики движений тела относятся к женщине, а потому в докладе речь преимущественно пойдет о красивых женских движениях.

В докладе обсуждаются две проблемы, связанные с женскими движениями, а именно, (1) какие из них и почему люди оценивают как ‘красивые’ и (2) что такое *изящные*, *грациозные* и *величавые* жесты и движения, то есть можно ли по некоторым формальным характеристикам движений предсказать такую их квалификацию.

Человеческие движения, вообще говоря, плохо поддаются типизации, а потому многие из них можно назвать индивидуальной невербальной подписью человека. Не случайно мы говорим «я милого узнаю по походке»: мы различаем близких и даже просто знакомых нам людей по характерным для них формам движений даже со спины, по своеобразным изгибам и поворотам тела, по движениям рук, положению головы, ног, плеч. Многие типы движений нами запоминаются и постигаются интуитивно, их формальные характеристики не всегда можно выразить на хорошем, идиоматичном русском языке. Так, сочетания *быстрые, энергичные*, *медленные*, *замедленные движения* широко представлены в письменных и устных текстах, а сочетания *симметричные* или *узкие движения* встречаются только в специальной литературе и используются в невербальной семиотике как термины (ср. неправильное сочетание **её узкие движения*). А, например, такая именная группа, как *ее широкий жест*, является вообще обозначением движения души, а не тела.

В докладе показывается, что эстетическая квалификация и интерпретация движений тела зависят: (а) от конвенций красоты, принятых в данном обществе, (б) от отношения к телу вообще и (в) от того, какой тип тела считается эталоном красоты в данном месте и в данное время. Во многом определяющую роль в описании эстетики движений играет также (г) ряд формальных признаков. Это количество движений в единицу времени, темп движения, симметрия относительно оси «верх-низ», плоскость исполнения движений, мера отдаленности их от тела.

В докладе показано, что формальные свойства движений отличают, например, *грациозные движения* от *изящных,* а *величественные движения от величавых.*

Grigory Efimovitch KREIDLIN
(Université d’Etat de Russie des Sciences Humaines, Moscou)

e-mail: gekr@iitp.ru

BEAUTIFUL MOVEMENTS
AS AN OBJECT OF NONVERBAL SEMIOTICS AND LINGUISTICS

Physical beauty and ability to present oneself in social environment are clear determinants and companions of many processes and events that occur in human life. In numbers of works, a part of which has already become classic in psychology, sociology, esthetics, linguistics and nonverbal semiotics, it was shown that such effects as perception of people and attitude to them, birth of feelings of sympathy between people, impression formation and popularity of a person among children and adults, verbal and nonverbal reactions to statements and estimations, and many other phenomena, depend to a considerable extent on physical attractiveness of people taking part in the corresponding processes. There are certain culture- and ethnic-specific stereotypes of male and female physical beauty that differ in modes of conceptualization, cognitive features, and sign representations. The two pragmatic characteristics may be ascribed to all aesthetically marked nonverbal units. They are intended to (a) **attract people’s attention** and to (b) **make a good aesthetic impression on people and positively influence them**.

Nonverbal semiotic behavior and interaction of people in a dialog is a multiple function for spatial location of participants of conversation, distances, poses, and many other spatial-kinetics variables. The direction of gesture of any semiotic type, the course of gesture movement, spatial orientation of partners, eye behavior of interlocutors and distance between them significantly affect the form and meaning of a speech message. The variables mentioned seem to be preconditioned or, at any rate, directly linked to deep psychological attributes of a person and peculiarities of culture, which the person belongs to. Among all the dimensions and features that govern human communication the gender is one of the most important phenomenon in the sphere of beauty and beautiful movements. Judging by the materials, aesthetic testimonials of body movements concern women more often than men. That is why I focus on beautiful female movements in the report.

I want to discuss nonverbal sign behaviors that are typical for the Russian culture and Russian everyday communication. The aim of my research is to expose and disclose the cognitive functions and semiotics of those human body gesture movements that are produced mostly in everyday communication. I shall also comment on some features that are associated with beauty image and discuss some linguistic problems that mediate the comprehension of the gestures and their language units.

Светлана Леонидовна Иванова
(Москва – Лос-Анджелес)

e-mail: ivanov@ucla.edu

«Волнует путем повторенья»

Повтор в природе возникает, когда звуковой сигнал натыкается на препятствие. При коммуникации таким препятствием служит непонимание. Непонимание рождает разные виды повтора. Повтор призван превратить ситуацию *иррациональную* (непонимания) в *рациональную* (понимания).

В наиболее критических случаях инстинктивно прибегают к максимальной форме повтора – полностью тождественному, или *эхо-повтору*.

Однако эхо-повторы не только не выводят из тупика, но окончательно загоняют в иррациональность. Выхолащивая из слов их привычное содержание, эхо-повторы превращают слова в пустые сосуды, пригодные для любого следующего наполнения, определяемого контекстом.

Эхо-повтор – это «тумблер», с помощью которого текст переводится в эмоциональный режим, теряя логические связи.

Эхо-повтор как литературный прием («Салон-вагон» Андрея Соболя и «Кроткая» Достоевского – примеры использования эхо-повторов для передачи атмосферы отчаяния) Эхо-повтор как *семантический опустошитель* в названии и сути течения «дада».

Svetlana Leonidovna Ivanova
(Moscou – Los-Angeles)

courriel : ivanov@ucla.edu

« Quand la répétition crée l'émotion »

La répétition apparaît lorsque le signal sonore se heurte à un obstacle. Au cours d'une communication la mécompréhension est un obstacle. La mécompréhension engendre différents types de répétition. La répétition a pour objectif de transformer une situation *irrationnelle* (de mécompréhension) en situation *rationnelle* (de compréhension).

Dans les situations les plus critiques on a recours à la forme maximale de la répétition : une répétition a l' identique, ou *écho-répétition*.

Pourtant, les échos-répétitions ne permettent pas de sortir de l'impasse, au contraire, elles bloquent la compréhension en conduisant le récepteur vers l'irrationnel. Les écho-répétitions stérilisent les mots, les vident de leur contenu, en font des réceptacles vides, bons pour n'importe quel remplissage.

L'écho-répétition est un « commutateur » qui fait passer le texte à un régime émotionnel où il perd ses liens logiques.

L'écho-répétition est un procédé littéraire (Dans *Le salon-voiture* d'Alexeï Sobol et *La Douce* de Dostoïevski les échos-répétitions créent un effet de désespoir).

L'écho-répétition peut avoir la fonction d'un *dévastateur sémantique*, comme dans le nom et le contenu du courant dada.

Ольга Юрьевна Бойцова
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург)
e-mail : boitsova@gmail.com

Семиотика фотографии в фотоальбоме

Фотография является средством коммуникации и может рассматриваться в перспективе семиотики. Использование фотографии в таком случае можно трактовать как передачу фотографического сообщения. Актом коммуникации является показ фотографии. Любительская фотография, которой посвящен доклад, интересна тем, что предоставляет каждому обладателю фотоаппарата возможность самому стать отправителем визуального сообщения.
В фотографическом сообщении, как в высказывании на естественном языке, можно различать то, «о чем» фотография (например, изображенный человек), и то, «что говорится» об этом с помощью фотографии (например, действие этого человека). Фотографии, содержащие и то, и другое на изобразительном уровне, можно назвать «более повествовательными»: они представляют событие и воспринимаются как рассказ, хотя бы из одного предложения. Портреты и фото на документы, где изображен человек, но нет действия/выразительной детали, привлекающей внимание, можно назвать «менее повествовательными»: они не рассказывают, а показывают, представляют что-то. Второй частью сообщения для такой фотографии становится подпись или устный комментарий («Это мой дедушка»).
Фотоальбом является одним из самых распространенных средств организации любительских снимков благодаря тому, что он предлагает составителю разнообразные способы семиотизации фотографий (расположение на странице, изменение границ фотографии, подписи) и позволяет создать из фотографий связный визуальный текст. В докладе рассматриваются различные способы создания значений фотографии в фотоальбоме и превращения последовательности фотографий в нарратив.

Olga Yourievna Boïtsova
(Musée de l'anthropologie et de l'ethnographie Pierre le Grand, Saint-Pétersbourg)
courriel : boitsova@gmail.com

Sémiotique de la photographie dans l'album de photos

La photographie est un fait de communication et peut donc faire l'objet d'une étude sémiotique. La transmission d'une photographie peut être considérée comme l'envoi d'un message. Montrer une photo est un acte de communication et l'intérêt de la photo d'amateur, l'objet de notre expose, réside dans le fait qu'elle donne à chaque détenteur d'un appareil la possibilité de devenir le destinateur d'un message visuel.
Comme dans l'énoncé verbal, on peut distinguer dans le message photographique ce « sur quoi » porte la photo (par exemple, la personne représentée) et ce qui « est raconté » à travers cette photo (par exemple, l'action de cette personne). Les photos qui contiennent ces deux composantes au niveau figuratif peuvent être considérées comme « plus narratives » : elles représentent un événement et sont perçues comme un récit, même si ce récit ne contient qu'une seule phrase. En revanche, les portraits et les photos d'identité qui représentent une personne mais ne représentent pas une action ou quelque détail expressif marquant, peuvent être interprétées comme « moins narratives » : elles ne racontent pas mais montrent quelque chose. La seconde partie du message pour une photographie de ce type sera une signature ou un commentaire oral du type « C'est mon grand père ».
L'album de photos est une des façons les plus courantes d'organiser les photos d'amateurs, en particulier, parce qu'il offre à leur auteur plusieurs possibilités de leur sémiotisation (disposition sur la page, modification des frontières de la photo, signatures, etc) et lui permettent d'en faire alors un texte visuel cohérent. Nous nous proposons d'examiner les différentes façons d'organiser une signification de la photographie dans l'album de photos et de transformer une suite de photos en un texte narratif.

Анна Феликсовна Литвина, Федор Борисович Успенский
(Институт славяноведения РАН, Москва)

e-mail: fjodor.uspenskij@gmail.com

Имитация и подражание: Топонимика и антропонимика как предмет семиотической игры в Древней Руси и странах Северной Европы

В странах поздней христианизации весьма распространенной оказалась идея уподобления собственной истории не только истории библейской, но и событиям первых веков христианства. Крещение страны, учреждение епископских кафедр, строительство церквей и образование монастырей не только сопоставлялось, но и напрямую уподоблялось соответствующим эпизодам ранней христианской эпохи. Правитель или прославленный подвижник могли соотноситься со своими древними прототипами, но этим дело не ограничивалось — целый отрезок истории новообращенной страны мог осмысляться как воспроизведение какого-либо периода истории раннехристианской. В докладе предполагается остановиться подробнее на основных сценариях такой семиотической игры, когда в средневековой Руси и некоторых странах Северной Европы имитировались целые именные комплексы, топонимические соотношения, связи между действующими лицами. Отдельно предполагается рассмотреть случаи, когда с опорой на сакральную топографию тиражируются местные топографические комплексы, а топонимическая номенклатура «центра» воспроизводится на «периферии».

Anna Felixovna Litvina, Fedor Borissovitch Ouspenski
(Institut d'études slaves de l'Académie des Sciences, Moscou)

courriel : fjodor.uspenskij@gmail.com

Imitation et pastiche: toponymie et anthroponymie, objets d'un jeu sémiotique dans l'Ancienne Russie et dans les pays de l'Europe du Nord

Dans les pays ou a eu lieu une christianisation tardive l'idée d'assimiler sa propre histoire aux événements bibliques et à ceux des premiers siècles du christianisme était très répandue. Non seulement on comparait, mais on assimilait directement la christianisation du pays, la mise en place des épiscopats, la construction des églises et des monastères aux épisodes des premières époques chrétiennes.
Un régent ou un martyr connu pouvaient être comparés avec leurs anciens prototypes, mais cette identification allait plus loin : toute une période dans l'histoire d'un pays nouvellement converti pouvait être pensée comme reproduction d'une période quelconque de l'histoire des premiers chrétiens.
On se propose d'étudier en détail les principaux scénarios du jeu sémiotique au cours duquel, dans la Russie du Moyen Âge et quelques autres pays de l'Europe du Nord, on imitait des constructions nominales entières ainsi que des relations toponymiques et les rapports entre les actants. On examinera à part les cas où, en s'appuyant sur une topographie sacrée, on reproduisait des complexes topographiques locaux et où la nomenclature toponymique du « centre » était recréée à la « périphérie ».

Наталия Витальевна Злыднева
(Институт славяноведения РАН, Москва)

e-mail: natzlydn@orc.ru

Homo ludens «дачного текста» русской культуры

«Дачный текст» русской литературы, искусства, быта первой трети XX века, в полной мере отвечающий условиям лудизма, с его пространственно-временной локализованностью, регламентированным поведением участников и инверсией стереотипов «высокой» культуры, проливает свет на важные компоненты мифопоэтики русского символизма и авангарда в их взаимной соотнесенности.
В русской культуре «дачный текст» – это семиотически отмеченный локус, где дача входит в характерный набор маркированных противопоставлений в тождестве: «жизнь как не-смерть» = «лето как не-зима». Отмеченный социально-групповой и исторически-коннотированной селективностью и потому особо восприимчивый к отдельному genius loci, «дачный текст» маркирует зону пограничья оппозиций природа/культура, высокое/низкое, центр/периферия. Специфика обнаруживается в снижении семиотического статуса оппозиций, мифологических стихий и страстей: приро-

да/культура низводится к саду/газону, океанический комплекс – к лодочным катаниям и купанию, любовь – к дачному роману. Характерны игровые нейтрализации (условностей летнего гардероба, этикета), инверсии (карнавализация мужское/женское, доминанта телесного низа), сдвиги (центр/периферия описываются «дачным текстом» как городское пространство со смещенным центром – дачи петербургские и московские) значений. Установка «дачного текста» на автореферентность (досуг как бытие sub specie) реализует эстетическое измерение дачного лудизма.

Как частный случай «петербургского текста» культуры рассматривается «прибалтийский дачный текст» (Финский залив, Эстония и др.). На материале литературы, мемуаров, живописи и фотографии (Северянин, Чуковский, Лихачев, Андреев, Самойлов) описываются компоненты текста: дачные игры и лудизм быта; дачно-игровое художественное творчество; игровая стилистика дачной архитектуры.

Homo ludens «дачного текста» актуализирует топику детства, отсылая к мифологеме начала и ритуально-циклическому времени, что, наряду с вышеуказанными семиотическими характеристиками, выявляет его структурную близость поэтике авангарда и манифестирует происходившее в пространстве русской Прибалтики слияние культуры Серебряного века с постсимволизмом.

Nathalia Vitalievna ZLYDNEVA
(Institut d'études slaves de l'Académie des Sciences de Russie, Moscou)

courriel : natzlydn@orc.ru

L'HOMO LUDENS DU « TEXTE DE DATCHA » DE LA CULTURE RUSSE

Le texte de dacha, dans la littérature, l'art et la vie quotidienne en Russie dans le premier tiers du 20ème siècle, contient les conditions même du ludisme : une localisation spatio-temporelle inhabituelle, un comportement code des participants, une inversion des stéréotypes de la haute culture. Il donne ainsi à voir des composantes importantes de la mythopoétique du symbolisme et de l'avant-garde russe dans leurs rapports réciproques. Dans la culture russe, le texte de dacha est un locus sémiotiquement marqué où la dacha est incluse dans l'ensemble des oppositions qui organisent une identité: « la vie comme autre chose que la mort » = « l'été comme autre chose que l'hiver ». Fruit d'une sélection sociale collective, fortement connoté historiquement (et par conséquent très sensible au *genius loci*) le texte de dacha fait apparaître la zone frontalière des oppositions, des éléments et des passions mythologiques : l'opposition nature/culture devient jardin/gazon, l'océan devient canotage, baignade, et l'amour amourettes de datcha. A noter également les neutralisations ludiques : le caractère conventionnel de la garde robe d'été, l'étiquette, les inversions : inversion carnavalesque du masculin/ féminin, du haut /bas dans la représentation du corps, les déplacements sémantiques : dans le texte de dacha la ville s'est décentrée, le centre s'est déplacé à la périphérie : les datchas sont moscovites ou pétersbourgeoises. Et enfin l'autoréférence, le loisir comme existence *sub specie*, apporte au texte de dacha sa dimension esthétique.

On se propose d'étudier un cas particulier du « texte pétersbourgeois » de la culture, celui du « texte baltique de la datcha » (Le Golfe Finlandais, l'Estonie etc.). à partir d' exemples tirés de la littérature, de mémoires, de tableaux et de photographies (Severianine, Tchoukovski, Likhatchev, Andreev, Samoilov). On décrit des composantes textuelles telles que les jeux de datcha et le ludisme du quotidien, la création artistique ludique à la datcha, le stylistique ludique de l'architecture des dachas.

L'Homo ludens du texte de dacha recrée la topique de l'enfance en actualisant le mythologème des débuts et d'un temps rituel cyclique. Les caractéristiques sémiotiques décrites font apparaître la proximité structurelle du texte de dacha avec la poétique de l'avant-garde et mettent en évidence les rapports fusionnels de la culture de l'Age d'argent et du post-symbolisme. C'est dans l'espace balte russe que ces proximités sont le plus visibles .

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
DIALOGUE SÉMIOTIQUE

Кястутис НАСТОПКА
(Вильнюсский университет, Центр Греймаса)

e-mail : kestutis@osf.lt

СМЫСЛОВОЙ РИСК В СЕМИОТИКЕ ЛОТМАНА И СЕМИОТИКЕ ШКОЛЫ ГРЕЙМАСА

В докладе рассматривается проблема определенности смысла в парижской и московско-тартуской семиотических школах. И Греймас, и Лотман начали с текста как с описания закрытой системы синхронных отношений. Позднее исследователи обеих школ вводят в описание значения временную стрелу: Лотман, опираясь на теорию катастроф Пригожина, парижские семиотики – развивая проблематику высказывания.

Лотман интерпретирует взрыв значения как столкновение двух чуждых друг другу – усвояющего и усвояемого – языков. В критических точках семиозиса детерминированность значения нарушается случайностью. От повторения и общности переходят к уникальности и особенности. В мире нарицательных имен, где одни элементы могут заменить другие, господствует структурное равновесие. Пространство собственных имен – и искусства – постоянно изменяется взрывами.

В стандартной семиотике Греймаса описываются два типа значимой деятельности: 1) операция – запрограммированная деятельность, создающая ценностный объект, 2) манипуляция – интенциональная деятельность, направленная на другие субъекты. В исследовании «О несовершенстве» Греймас связывает появление значения с чувственным опытом субъекта. Запрограммированную повседневность, безопасную, но бессмысленную, нарушает эстетическое событие, которое определяется перебоем изотопии. Значимый мир, с одной стороны, сопротивляется скуке, с другой стороны, дает надежду испытать взаимосвязанность бытия. Возможны два пути конструирования смысла. Первый ведет от чистого риска к безопасности. Второй, описанный в эссе Греймаса «О несовершенстве» и в «Культуре и взрыве» Лотмана, – от безопасности к риску.

Kęstutis NASTOPKA
(Université de Vilnius, Centre A.J. Greimas)

courriel : kestutis@osf.lt

LE RISQUE DU SENS DANS LA SÉMIOTIQUE DE LOTMAN ET CELLE DE L'ÉCOLE DE GREIMAS

Dans cet exposé on tentera l'étude comparée de la définition du sens dans l'école sémiotique de Paris et dans celle de Moscou-Tartu. Greimas et Lotman ont l'un et l'autre commencé leurs recherches par le texte considéré comme système clos de relations synchrones. Plus tard, les chercheurs des deux écoles introduisent dans la description de la signification la flèche du temps: Lotman le fait en s'appuyant sur la théorie des catastrophes de Prigogine, les sémioticiens parisiens en développant la problématique de l'énonciation.

Lotman interprète l'explosion sémantique comme la collision des deux langues étrangères: l'assimilant et l'assimilé. Dans les points critiques de la sémiosis, la détermination de la signification est troublée par le hasard. Du répétitif et du général on passe à l'unique et au particulier. Dans le monde des noms propres où les éléments peuvent se substituer les uns aux autres règne un équilibre structurel. L'espace des noms propres et celui de l'art est constamment modifié par les explosions.

La sémiotique greimassienne, dite standard, reconnaît deux types distincts de l'activité signifiante:

1. l'opération, action programmée, qui crée un objet de valeur.
2. la manipulation, activité intentionnelle, visant d'autres sujets.

Dans l'étude *De l'imperfection* Greimas fait un parallèle entre l'émergence de la signification et l'expérience sensible du sujet. Le quotidien programmé, sûr mais privé de sens, est troublé par un événement esthétique qui se caractérise par une interruption de l'isotopie. D'un côté, le monde signifiant s'oppose à l'ennui, de l'autre il fait naître l'espoir d'une intercorrélation de l'existence qui apporte satisfaction. Deux voies de la constitution du sens sont alors possibles: la première mène du risque pur à la sûreté. La seconde, décrite par Greimas dans *De l'imperfection* et par Lotman dans *L'Explosion et la culture*, va dans le sens inverse: de la sûreté au risque.

Татьяна Михайловна Николаева
(Институт славяноведения РАН, Москва)
e-mail: tnikol33@mail.ru

Полифония vs. семиосфера (или полифония, по М.М. Бахтину, и семиосфера, по Ю.М. Лотману)

1. Ю.М. Лотман описывал семиосферу как совокупность структурно упорядоченных систем, которые, определенным образом объединяясь, создают более сложную систему и ей служат. Сравнивал он ее с поездкой по городу служащих или, лучше всего, с музеем, где по правилам вы сдаете одежду в гардероб, по правилам покупаете билет, по правилам расположены в залах смотрительницы музея и, наконец, по правилам развешаны картины или расставлены экспонаты. Все это вместе необходимо знать для посещения музея и, разумеется, выполнять каждое из этих правил, как будто бы друг с другом системно на первый взгляд не соотносящихся.
2. Нарушение хотя бы одной из этих систем маркировано и создает то, что он называл «выходом из семиосферы». Поэтому в литературе, драматургии, кинематографии и под. выход за пределы семиосферы необходим: именно он создает сюжет. Выходы могут быть самые разнообразные: выбор не автотрассы, а лесной тропинки (это частый прием в кино), скандал или неожиданное появление персонажа (таким приемом пользуется часто Достоевский), крупная карточная игра и т.д. В повседневной традиционной культуре, по Ю.М. Лотману, вне обычной жизни, в лесу, например, живут самые загадочные и роковые персонажи: мельник, палач, разбойник. Часто они и действуют ночью. Все это – выход за пределы установленной семиосферы.
3. Напротив, полифония предполагает как будто бы разобщенность, додекафоничность, действий и голосов, не сливающихся в одну систему, заранее известную пользователю. У того же Достоевского, по мнению М.М. Бахтина, каждый персонаж ведет свою линию, свой «Рассказ», не считаясь ни с другими, ни с ситуацией. Вторичная система восприятия читателя соединяет эти разобщенные голоса и строит свою перцептивную модель происходящего – в жизни или в романе.
4. Таким образом, гармоничность как бы противопоставляется разобщенности в системном плане.
5. Между тем, разобщенность полифонических составляющих оказывается не столь велика, как это можно было бы предположить. В первую очередь эта идея привлекла внимания фонетистов-экспериментализтов. Так, на 15 Международном фонетическом конгрессе (Барселона, 2003) появилось принципиально новое направление в изучении спонтанной речи, названное «phonology of conversation». Задачи исследователей, занимающихся этими проблемами, принципиально новы. А именно – 1) исследователь должен попытаться определить, когда именно в текущем разговоре нескольких лиц (или хотя бы в диалоге) возникает момент, когда актант должен догадаться, что он может вступить в разговор со своей собственной репликой (речью), а когда предыдущий коммуникант или коммуниканты хотят еще нечто добавить, хотя бы и неожиданное. (Хочу напомнить, что в современном русском языке, по наблюдениям Е.С. Яковлевой, темпоральный квалификатор *момент* появляется в речи тогда, когда в рассказе возникает некий «поворот» события, например, «*но тут дверь открылась и в этот момент...*»). 2) исследователь должен понять, как слушатель «собирает» правильные монологи коммуникантов при смешении речи с неречевым сопровождением, например, на больших вечеринках, где громко играет музыка.
6. Таким образом, полифония на высоком уровне абстрагирования оказывается в наше время, удаляющееся и от Бахтина, и от Лотмана, то есть в метатеории и эмпирии XXI века, более близкой к «упорядоченной» семио-сфере, чем это можно было предположить ранее.

Tatiana Mikhaïlovna Nikolaeva
(Institut d'études slaves de l'Académie des Sciences de Russie, Moscou)
courriel : tnikol33@mail.ru

Polyphonie vs sémiosphère (ou polyphonie selon M.M. Bakhtine et sémiosphère selon Y.M. Lotman)

1. Y.M. Lotman décrit la sémiosphère comme un ensemble de systèmes structurellement ordonnés qui, réunis en une configuration particulière, produisent un système plus complexe, et sont à son service. Pour

Lotman, la représentation de ce système serait analogue à celle de la visite guidée d'une ville, ou, mieux encore, d'un musée où le visiteur procède en observant un certain nombre de règles préétablies : il dépose ses vêtements au vestiaire, achète un billet, pénètre dans des salles où se trouvent des surveillants et des tableaux ou objets exposés . Tout ceci est connu avant la visite du musée, et chacun sait qu'il est obligatoire de respecter chacune de ces règles qui, de prime abord, n'ont entre elles aucun rapport systémique.

2. La transgression d'une seule de ces règles a des conséquences majeures, créant ce que Lotman appelait la sortie de la sémiosphère. Dans un roman, une pièce de théâtre ou un film, c'est le franchissement des frontières de la sémiosphere qui introduit la thématique. Les formes que peut prendre cette sortie sont très diverses : un sentier prend la place l'autoroute (figure récurrente au cinéma), un scandale éclate, un personnage arrive à l'improviste (situation fréquente chez Dostoïevski), un jeu de cartes apparaît... Lotman fait remarquer que, dans la culture traditionnelle de la vie quotidienne, le personnage mystérieux ou maléfique (le meunier, le bourreau, le brigand) est localisé en dehors de l'espace habituel, par exemple dans la forêt. Et c'est le plus souvent la nuit qu'il se manifeste. C'est bien le franchissement des frontières de la sémiosphere préétablie qui fait l'événement.

3. Au contraire, la polyphonie semble présupposer une dodécaphonie et un isolement apparents d'actions et de trajets qui ne sont pas constitués en un système unique, prévisible et connu de l'utilisateur. Pour Bakhtine, chez ce même Dostoïevski, chaque personnage suit sa voie et son récit, sans prendre en compte ni la présence des autres ni la situation d'ensemble. C'est le système secondaire de la lecture effectuée par le lecteur qui réunit les voies séparées et construit un modèle qui rend l'événement perceptible, que ce soit dans la vie ou dans le roman.

4. Ainsi, sur le plan systématique, l'harmonie s'oppose à l'isolement.

5. Pourtant, l'isolement des composantes polyphoniques n'est pas aussi important qu'on aurait pu l'imaginer. Ce sont les phonéticiens-experimentateurs qui les premiers ont interrogé cet écart. Au 15ème Congres international de phonétique à Barcelone en 2003, l'étude du discours spontané a fait l'objet d'une approche nouvelle qui a reçu le nom de *phonology of conversation*. Les chercheurs se réclamant de ce courant se sont donné des objectifs entièrement nouveaux :

1) Comment désigner dans la conversation courante (dialogue ou conversation à plusieurs) le moment où l'actant perçoit que c'est à lui de répliquer, d'enchaîner, ou qu'il doit encore attendre que son/ses interlocuteurs complètent leur propos. (Rappelons que pour E.S. Yakovleva le qualificateur temporel moment correspond à un tournant de l'événement, par exemple : *mais alors la porte s'est ouverte et, à ce moment-là...*); 2) Comment tel locuteur recueille-t-il correctement les discours des partenaires de l'échange quand il sont parasités de signes non verbaux (par exemple lors d'une soirée où la musique est particulièrement forte).

6. De nos jours (ou nous sommes déjà loin de Bakhtine et de Lotman) à l'époque de la métathéorie et de l'empirisme du 21ème siècle, la polyphonie, prise dans son sens le plus abstrait, paraît plus proche de la sémiosphere ordonnée qu'on aurait pu autrefois le penser.

Сильви Салупере
(Институт философии и семиотики Тартуского университета)
e-mail: silvi.salupere@ut.ee

Юрий Лотман и французский структурализм

В 1998 году Михаил Лотман написал, что Юрий Лотман выработал свою в достаточной мере оригинальную систему структурно-семиотических взглядов, «существенно отличавшихся от существовавших к тому времени школ структурализма. Основные различия касались соотношения выражения и содержания, роли и структуры текста, наконец, самого понятия структуры» (Послесловие: Структуральная поэтика и ее место в наследии Ю.М. Лотмана. – Ю.М. Лотман. Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство–СПб. 1998, 676). В докладе делается попытка рассмотреть, действительно ли имеют место эти различия и в чем они выражаются касательно французской школы структурализма.

Сравниваются методы анализа текста Альгирдаса Греймаса (на материале книги «Структурная семантика» и словаря A.J. Greimas; J. Courtès. *Sémiotique – Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*), Юлии Кристевой (особенно «Текст романа» и статьи, в которых рассматривается проблема текста) и Ю.М. Лотмана («Структура художественного текста»).

Silvi SALUPERE
(Institut de philosophie et de sémiotique de l'Université de Tartu)
courriel : silvi.salupere@ut.ee

YOURI LOTMAN ET LE STRUCTURALISME FRANÇAIS

En 1998, Mikhail Lotman écrivait que Youri Lotman avait développé un système original, aussi bien du point de vue structurel que sémiotique, qui « se différenciait considérablement des écoles structuralistes de l'époque ; les différences portant avant tout sur le rapport entre l'expression et le contenu, le rôle et la structure du texte et enfin la notion même de structure » (Postface : « La poétique structurale et sa place dans l'héritage de Y.M. Lotman » / Y.M. Lotman, *De l'Art*. Saint-Pétersbourg, Iskousstvo-SPb, 1998, p. 676).
On se propose d'analyser dans cet exposé en quoi consistent ces différences, si elles sont effectivement repérables, et dans quelle mesure elles sont propres à l'école française de structuralisme. On comparera les méthodes d'analyse textuelle d'Algirdas Greimas (en se basant sur son ouvrage *Sémantique structurale* et sur *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*, d'A.J. Greimas et J. Courtès), de Julia Kristeva (en particulier, *Texte du roman* et articles portant sur le texte) et de Y.M. Lotman (*La structure du texte artistique*).

Сергей Николаевич ЗЕНКИН
(Российский государственный гуманитарный университет, Москва)
e-mail : serge.zenkine@mtu-net.ru

ПРОБЛЕМА РЕЛЕВАНТНОСТИ СМЫСЛА: РИФФАТЕР, ГРЕЙМАС, БАРТ

В начавшихся в 50-60-е годы структурных исследованиях семантики языка и других знаковых систем (литературы, моды и т.д.) одной из трудных и спорных проблем оказалось установление релевантности семантических структур, которые выделяются исследователем в текстах, но не поддаются стандартной проверке на эквивалентность, применяемой при изучении фонологических и морфологических структур языка. Целью доклада будет сравнить подходы к этой проблеме в поэтике М. Риффатера (понятие «стилистического приема»), лингвистике А.-Ж. Греймаса (понятие «изотопии») и семиологии Р. Барта (понятие «мифа»).

Sergueï Nikolaevitch ZENKIN
(Université d'Etat de Russie des Sciences Humaines, Moscou)
courriel : serge.zenkine@mtu-net.ru

LA RELEVANCE DU SENS: RIFFATERRE, GREIMAS, BARTHES

Une des difficultés de la recherche structurale (commencée dans les années 50-60) portant sur la sémantique de la langue (comme sur d'autres systèmes sémiotiques : la littérature, la mode, etc.) a été d'établir une relevance des structures sémantiques identifiables dans un texte mais qui ne peuvent être soumises à une vérification dite standard de l'équivalence, procédure mise en oeuvre dans l'étude des structures phonologiques et morphologiques de la langue.
L'objectif de cet exposé est de comparer les approches de ce problème dans la poétique de M. Riffaterre (la notion de « procédé stylistique »), dans la linguistique d'A.J. Greimas (la notion d'« isotopie ») et dans la sémiologie de R. Barthes (la notion de « mythe »).

Ivan DARRAULT-HARRIS
(Université de Limoges, École des Hautes Etudes en Sciences Sociales, Paris)
courriel : ivan@darrault.com

GREIMAS ET LA PSYCHANALYSE

Les relations de Greimas avec la psychanalyse n'ont pas suscité jusqu'à présent d'étude systématique. Et pourtant, dès *Sémantique structurale* (1966), Greimas construit ses premiers modèles sémiotiques (ainsi le célèbre modèle actantiel) dans le dialogue, quelquefois, certes, très polémique, avec la psychanalyse (cf. sa sévère critique de la psychocritique de Ch. Mauron); il va même jusqu'à évaluer son modèle narratif transformationnel en analysant des séances de psychodrame psychanalytique (avec l'aide de M. Safouan).

On s'efforcera donc de préciser à la fois les emprunts à la psychanalyse mais aussi les différences fermement affirmées qui ont permis à Greimas de poser l'identité de la discipline, la sémiotique, qu'il créait, dépassant de fort loin son projet initial de fonder une sémantique.
On découvrira chemin faisant les influences, les échos, les homologations suscitées essentiellement par la lecture, sur une longue période, du texte de Freud le plus important à ses yeux, soit la *Traumdeutung*. Et même si les références à la psychanalyse, dès après *Sémantique structurale*, s'appauvrissent au point de finir par disparaître totalement.
Enfin, les rares allusions de Greimas aux apports de Lacan (ainsi le concept d'« assomption ») permettront de clarifier ses rapports avec celui qui, en psychanalyse, fut constamment le partenaire le plus attentif mais aussi le plus critique des linguistes.

Иван Дарро-Харрис
(Лиможский университет, Высшая школа общественных наук в Париже)
e-mail : ivan@darrault.com

Греймас и психоанализ

Отношения Греймаса с психоанализом до сих пор систематически не изучались. Однако уже в «Структурной семантике» (1966) Греймас создает свои первые семиотические модели (в том числе знаменитую актантную модель), ведя диалог, подчас, конечно, весьма полемический, с психоанализом (ср. его суровую оценку психокритики Ч. Морона); он даже доходит до того, что оценивает свою нарративную трансформа-ционную модель через анализ сеансов психоаналитической психодрамы (с помощью М. Сафуан).
Мы попытаемся одновременно уточнить заимствования из психоанализа, а также четко обозначенные различия, которые позволили Греймасу определить характер создаваемой им дисциплины, – семиотики, – выходящей далеко за рамки его первоначального замысла по созданию семантики.
Попутно мы укажем на влияния, отзвуки и соответствия, вызванные на протяжении долгого периода главным образом чтением текста Фрейда, наиболее важного с точки зрения Греймаса, а именно «Traumdeutung». И это при том, что ссылки на психоанализ после «Структурной семантики» постепенно встречаются все реже, а потом исчезают окончательно.
Наконец, редкие аллюзии Греймаса на вклад Лакана (например, концепт «принятия») позволяют прояснить его отношения с тем, кто в психоанализе был постоянно самым внимательным, но в то же время и самым критичным партнером лингвистов.

Лорета Мачянскайте
(Институт литовской литературы и фольклора, Вильнюс)
e-mail : loryte@takas.lt

Альгирдас Юлюс Греймас – критик литовской литературы

А.Ю. Греймас – ученый с мировым именем, больше всего писавший по-французски, был и весьма крупным критиком литовской литературы, предложившим новый взгляд на литературу, соотношение творчества и морали, демаскировавший множество народных мифов и стереотипов. В его критических статьях с помощью метода вертикального чтения раскрываются глубокие смысловые структуры литературных текстов, искусство воспринимается как поиск ответов на основные вопросы человеческого бытия. Определив функции литературной критики как обучение чтению и расширение шкалы испытываемых читателем приятных эмоций, Греймас убедительно показал, что литовская литературная критика может быть игровой, но в то же время и аналитической, и что литовская литература действительно достойна внимательного углубленного прочтения и серьезного анализа, которым он и сам занимался в своих статьях, посвященных поэтам Томасу Венцлове, Альгимантасу Мацкусу, Марцелиюсу Мартинайтису, Хенрикасу Радаускасу и др. Этическая позиция творца, обсуждаемая в статьях Греймаса, скорее была бы близка идеям ответственности и ангажированности, пропагандируемым французскими экзистенциалиста-ми. В наши времена культурного и морального релятивизма установки Греймаса опять становятся особенно важными, а его концептуальные определения литовских писателей до сих пор во многих случаях остаются той точкой отсчета, от которой ответвляются исследования других ученых, в том числе компаративистские, вписывающие литовские тексты в индоевропейские контексты. Предложенные Греймасом способы анализа, дисциплинирующие субъективизм интерпретатора, не только широко использу-

ются в работах литературоведов, совмещающих различные методологии, но и в адаптированном виде даже преподносятся в средних школах, где задачи чтения и восприятия текста становятся самыми актуальными в эпоху доминирования зрительных образов.

Loreta MAČIANSKAITĖ
(Institut de la littérature et du folklore lithuanien, Vilnius)

courriel : loryte@takas.lt

ALGIRDAS JULIUS GREIMAS, CRITIQUE DE LA LITTÉRATURE LITHUANIENNE

A.J. Greimas, chercheur lithuanien de renommée internationale, écrivait de préférence en français. Ces travaux critiques sur la littérature lithuanienne ont apporté un regard nouveau sur la littérature, sur les rapports entre la création et les valeurs morales, et ont rendu visibles les mythes et stéréotypes populaires dont elle est porteuse. Sa méthode de lecture verticale a mis en évidence les structures sémantiques profondes des textes littéraires, montrant que l'art, au bout du compte, est une quête de réponses aux questions essentielles de l'existence humaine.

Considérant que la critique littéraire est l'apprentissage d'une lecture qui accroît le plaisir du lecteur, Greimas a démontré que la critique littéraire lithuanienne peut être à la fois ludique et analytique, et que la littérature lithuanienne est digne d'une lecture attentive et approfondie. Les articles qu'il a consacrés aux poètes Tomas Venclova, Algimantas Mackus, Marcelijus Martinaitis, Henrikas Radauskas et d'autres le prouvent.

La position éthique du créateur que les travaux de Greimas interrogent, se caractérisait par le sens de la responsabilité et de l'engagement. Donc une littérature engagée, telle, semble-t-il, que la concevaient les existentialistes français. Aujourd'hui, où règne un certain relativisme culturel et moral, ces constituants de l'art lithuanien, mis en évidence par les travaux de Greimas, ont toute leur importance. Ces travaux critiques restent souvent le point de départ des études d'autres chercheurs, (y compris des comparatistes) qui inscrivent les textes lithuaniens dans un ensemble indoeuropéen plus large.

Les méthodes d'analyses proposées par Greimas réduisent incontestablement la part d'interprétation subjective du lecteur. Elles sont ajourd'hui utilisées non seulement dans des travaux de critiques littéraires qui se réclament de méthodologies différentes, mais, dans une version adaptée, sont présentes à l'école secondaire où les exercices de lecture et de perception du texte sont de plus en plus nécessaires quand s'impose dans notre espace social la domination des images visuelles.

Сергей Иосифович Гиндин
(Российский государственный гуманитарный университет, Москва)

e-mail: tipling@gmail.com

РОССИЙСКОЕ ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ ПОНЯТИЯ ИЗОТОПИИ: ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

Книга А.-Ж. Греймаса «Структурная семантика» – возможно, из-за самого своего заглавия – была воспринята в СССР как относящаяся (в соссюровских терминах) скорее к «лингвистике языка», нежели к «лингвистике речи». В применении к тексту из нее были усвоены и получили развитие в российской фольклористике также идеи парадигматического характера. Главный же вклад Греймаса в исследование синтагматики текста – понятие изотопии – в СССР и позднее в России практически не был замечен и не получил отклика.

Между тем именно в СССР за 40 лет до книги Греймаса была опубликована работа, которую можно с полным правом считать одним из ранних предвосхищений понятия изотопии. Это статья выдающегося русского поэта и теоретика стиха Георгия Шенгели «О лирической композиции» (в сборнике «Проблемы поэтики». М.: Земля и Фабрика, 1925). Она осталась практически незамеченной современниками, но сохраняет научный интерес и сегодня.

В том же 1925 г. Б.В. Томашевский в своей знаменитой «Теории литературы» продемонстрировал наличие разрыва между минимальными единицами тематико-композиционного анализа в литературоведении и предельной единицей, интересовавшей лингвистов, – предложением. Г.А. Шенгели в указанной статье фактически наметил путь к преодолению этого разрыва на основе изучения семантического соотношения соседних предложений. Это и был первый шаг к понятию изотопии и к другим альтернативным способам описания семантической синтагматики текста.

Sergueï Iossifovitch GUINDIN
(Université d'Etat de Russie des Sciences Humaines, Moscou)
courriel : tipling@gmail.com

UNE ANTICIPATION RUSSE DE LA NOTION D'ISOTOPIE : GUEORGY SHENGELI

L'ouvrage d'A.J. Greimas *Sémantique structurale*, probablement à cause de son titre, a été interprété en URSS comme portant plutôt (dans les termes saussuriens) sur la « linguistique de la langue » que sur celle de la « parole ». La recherche russe sur le folklore en a aussi retenu les idées de paradigmes, notamment quand il s'agit du texte. Mais la notion d'isotopie, apport essentiel de Greimas à la recherche sur la syntagmatique textuelle, n'a eu que très peu d'échos en URSS ou, plus tard en Russie.
Cependant, 40 ans avant l'ouvrage de Greimas, c'est en URSS qu'a été publiée l'étude qui peut être légitimement considérée comme une des premières anticipations de la notion d'isotopie. Il s'agit de l'article de Gueorgy Shengeli, poète russe de renom et critique littéraire, « Sur la composition lyrique » (dans le recueil « Problèmes de la poétique », Moscou, Zemlia i Fabrika, 1925). L'article est passé quasiment inaperçu des contemporains mais garde jusqu'aujourd'hui un intérêt scientifique.
En 1925 également, dans sa célèbre *Théorie de la littérature*, B.V. Tomashevski a fait apparaître la rupture existant entre les unités minimales d'une analyse thématico-compositionnelle dans la critique littéraire et l'unité maximale qui intéressait les linguistes: la proposition. Dans son article G.A. Shengeli a montré la voie qui a préparé cette rupture en étudiant les rapports sémantiques entre des propositions voisines. C'était le premier pas vers la notion d'isotopie et vers d'autres outils de description de la syntagmatique sémantique du texte.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМИОТИКИ
PROBLÈMES THÉORIQUES DANS LA SÉMIOTIQUE

Thomas V. GAMKRELIDZE
(Georgian National Academy of Sciences, Tbilisi)
e-mail: tgamkrelidze@gw.acnet.ge

SEMIOTICS OF ALPHABETIC WRITING

The conceptualization of writing as a sign system affords a better insight into its ontological nature and enables us to advance a general typology of writing and to determine its place in the development of human culture. Comparative analysis of various types of script in order to propose criteria for their assessment makes it possible to clarify the question of the origin of alphabetic writing and to determine the principal stages of its phylogenetic development, the Ancient Greek writing being held as the historically first specimen of a consistently alphabetic writing system.

ON THE TYPOLOGY OF THE GENETIC AND LINGUISTIC CODES

The structural isomorphism evidenced by the two different codes – genetic and linguistic – raises phenomenological questions as to the nature of these systems and to the causes of the existing structural isomorphism. The observed isomorphism between these two information-carrying systems is being accounted for in modern science in two different ways: It stems either from a mere convergence of the two codes induced by similar information needs, or it originates as a result of an unconscious construing of the linguistic code according to the structural patterns of the innate genetic information system.

Владимир Валентинович ФЕЩЕНКО
(Институт языкознания РАН, Москва)
e-mail: takovich2@gmail.com

ГУСТАВ ШПЕТ И НЕЯВНАЯ ТРАДИЦИЯ ГЛУБИННОЙ СЕМИОТИКИ В РОССИИ

В докладе пойдет речь о глубинно-семиотической линии мысли в русской гуманитарной науке XX века. Данная линия развивалась параллельно с магистральной линией европейской семиотики, но

до сих пор не достаточно изучена. Недавние публикации неизвестных ранее широким кругам работ Г. Шпета (в особенности трудов «История как проблема логики» и «Язык и смысл») выдвигает этого русского философа на самый передний план описываемой семиотической традиции. Семиотические и лингвистические идеи Шпета закладывают основу «глубинной семиотики». Концепт «внутренней формы» определяет основную направленность этой традиции – изучение внутреннего языка творческого человека и внутренней системы его текстов. Если русский структурализм, находившийся под известным влиянием идей Г. Шпета, оформился в советское время в полноценное научное направление, то глубинная семиотика предстает как «мерцающая» традиция, которую еще предстоит реконструировать и актуализировать.

Vladimir Valentinovitch FETSCHENKO
(Institut de linguistique de l'Académie des Sciences de Russie, Moscou)
courriel : takovich2@gmail.com

GUSTAV SHPET ET LA TRADITION IMPLICITE D'UNE SÉMIOTIQUE PROFONDE EN RUSSIE

L'exposé aura pour objet l'étude de la pensée sémiotique profonde dans les sciences humaines russes du XXème siècle. Ce courant s'est développe parallèlement à la ligne magistrale de la sémiotique européenne mais il n'a pas, jusqu'a présent, été systématiquement étudié. Les publications récentes des travaux de G. Shpet, (encore inconnus du public large, en particulier, les ouvrages tels que *L'histoire comme problème de la logique* et *La langue et le sens*) désignent ce philosophe russe comme une figure de premier plan de cette tradition sémiotique. Les travaux sémiotiques et linguistiques de Shpet constituent la base d'une « sémiotique profonde ». Le concept de « forme intérieure » est au centre de cette tradition : comment étudier le langage intérieur et le système intérieur des textes d'un artiste. Si le structuralisme russe, fortement influencé par les idées de G. Shpet, a connu son accomplissement à l'époque soviétique, en revanche, la sémiotique profonde est une tradition « scintillante » qui nécessite aujourd'hui d'être reconstituée et actualisée.

Юлле ПЯРЛИ
(Тартуский Университет)
e-mail: ulle.parli@ut.ee

**СЕМИОТИКА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО –
ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА**

В настоящем докладе делается попытка найти возможности синтеза разных подходов к имени собственному, позволяющих более комплексно описать актуальную практику наименования и бытования имен в современной культуре.

В семиотике тартуско-московской школы имя собственное изучалось в первую очередь в связи с мифологическим мышлением, а также с точки зрения функционирования имени собственного как социального знака. Для Ю.М. Лотмана оно имело особое значение в осмыслении природы искусства. При этом разными авторами разделялось положение об особого рода семиотичности (асемиотичности) имени собственного.

Другая традиция — анализ имени собственного в аналитической философии, сосредоточенный на вопросе истинности и рассматривающий имя собственное в рамках системы языка, – на первый взгляд исходит из совершенно других предпосылок и преследует не совпадающие с семиотикой культуры цели: само понятие имени собственного получает здесь отличное от традиционного понимания содержание. И тем не менее названные традиции, как и феноменологический подход к имени могут плодотворно взаимодействовать в разработке методов анализа наименования. Вопрос о «напряжении» между именами собственными и общими именами в языке можно рассматривать как один из аспектов более общей проблемы универсального и уникального, общего и единичного, что делает выбранную тему особо актуальной.

Ülle PÄRLI
(Université de Tartu)

courriel : ulle.parli@ut.ee

SÉMIOTIQUE DU NOM PROPRE : POSSIBILITÉS D'UNE APPROCHE INTERDISCIPLINAIRE

Nous tenterons la synthèse des différentes approches du nom propre, ce qui permettrait de décrire plus précisément la pratique actuelle de la nomination ainsi que l'évolution des noms dans la culture contemporaine.
La sémiotique de l'Ecole de Moscou-Tartu a étudié le nom propre d'abord dans son lien avec la pensée mythologique, ensuite du point de vue de sa fonction, en tant que signe social. Y.M. Lotman lui attribuait un rôle important dans l'interprétation de la nature de l'art, et un certain nombre d'auteurs s'accordaient sur le caractère sémiotique (a-sémiotique) particulier du nom propre.
La philosophie analytique a une autre tradition d'analyse du nom propre; elle le considère en rapport avec la problématique de vérité, et elle place le nom propre à l'intérieur du système de la langue. Ces choix répondent à d'autres objectifs que ceux de la sémiotique de la culture : le nom propre reçoit ici un contenu non-traditionnel. Cependant les traditions d'étude mentionnées et l'approche phénoménologique du nom propre peuvent avoir une utilité dans l'élaboration des méthodes d'analyse du nom propre.
La « tension » entre les noms propres et les autres noms de la langue peut être étudiée comme faisant part du problème plus général de l'universel et de l'unique, du général et du particulier. Ce thème de recherche retrouve alors toute son actualité.

Сергей Иосифович Гиндин
(Российский государственный гуманитарный университет, Москва)

e-mail: tipling@gmail.com

***ТЕКСТ* И *ДИСКУРС*: ПРИЧИНЫ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ, УСЛОВИЯ ВНЕДРЕНИЯ И НАУЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДВУХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ**

Во многих областях знания при начале их разработки удается искусственно создать термины, обозначающие их основные понятия. Эти термины не укоренены в обиходном языке исследователя и благодаря этому не тянут за собой шлейф ассоциаций, связанных со значениями слов обиходного языка.
Возникшая на рубеже 1940–1950-х годов область сверхфразовых лингвистических исследований не была столь счастлива. Ее основные понятия были обозначены словами, укорененными в языках, на которых говорили первопроходцы этой области, и имевшими богатую традицию осмысления.
В двух ареалах, в которых возникала новая лингвистическая дисциплина, традиции обозначения соответствующих явлений были разные. Соответственно, основной предмет нового раздела лингвистики уже в 1940-е годы получил два разных имени: в советских работах – *текст*, в американских – *дискурс* (*discourse*). В 1960-х годах, когда эта новая область наконец была замечена остальными лингвистами и институциализована, эти термины были закреплены также в двух ареалах: в Германии – *Text*, во Франции – *discours*.
Причины выбора в каждой из стран одного из пары соотносительных терминов коренятся в истории употребления соответствующих слов в каждом из литературных языков и в различии набора оппозиций, в которые они в этих языках включаются. Особенности подобного донаучного употребления слов *текст* и *дискурс* будут прослежены в первой части доклада.
Во второй части доклада будут подвергнуты сравнению научные парадигмы сверхфразовых исследований, сложившиеся в зависимости от донаучного употребления каждого из двух основных терминов, и рассмотрены трудности, возникающие в связи с этими терминами в зависимости от того, являются ли они укорененными в языке исследования или нет. Также будут рассмотрены проблемы межъязыкового переноса этих терминов, например, всегда ли французское *discours* может быть переведено русским *дискурс*. В качестве одного из примеров будет рассмотрен русский перевод книги А.-Ж. Греймаса «Структурная семантика».

Sergueï Iossifovitch GUINDIN
(Université d'Etat de Russie des Sciences Humaines, Moscou)

courriel : tipling@gmail.com

TEXTE ET *DISCOURS*: LES RAISONS DE L'APPARITION PARALLÈLE DE CES DEUX TERMES, LES CONDITIONS DE LEUR UTILISATION ET LEURS EFFETS SUR LA RECHERCHE

A leurs débuts, la plupart des sciences sont amenées à créer des termes pour désigner les notions de bases nouvellement élaborées. Ces termes, qui n'appartiennent pas au langage courant, ne suscitent donc pas d'associations liées à leur signification.

Apparue à la fin des années 1940–1950, la recherche linguistique supra-phrastique n'a pas eu cette chance. Ses notions principales étaient véhiculées par des mots présents dans le langage des premiers chercheurs en ce domaine qui avaient une riche tradition d'interprétation.

La nouvelle discipline linguistique apparaissait dans deux sphères ou les concepts renvoyaient à des traditions différentes. Dès les années 1940, l'objet d'étude de ce nouveau courant linguistique a reçu deux noms différents : *le texte*, dans les recherches soviétiques, et *le discours* (*discourse*), dans les travaux américaines. Dans les années 1960, quand ce nouveau domaine de recherches a été investi et institutionnalisé par d'autres linguistes, ces termes ont été adoptes dans deux pays : Text, en Allemagne, et discours, en France.

Ces choix renvoient dans chaque pays à l'usage de ces termes dans la langue littéraire et à la distinction entre des ensembles d'oppositions auxquels appartiennent ces termes. Les particularités de l'utilisation pré-scientifique des termes *texte* et *discours* seront analysées dans la première partie de l'exposé.

Dans la seconde partie on tentera de comparer les paradigmes scientifiques des recherches portant sur les unités supra-phrastiques qui ont été le résultat de l'utilisation pré-scientifique des termes susmentionnés. On analysera les difficultés apparues selon que ces termes sont ou non enracinés dans la langue de la recherche. On s'interrogera également sur le transfert inter-linguistique de ces termes, *le discours* français peut-il être, par exemple, toujours traduit en russe par *diskurs*. Notre analyse prendra comme corpus la traduction russe du livre d'A.J. Greimas *Sémantique structurale*.

Алексей Дмитриевич КОШЕЛЕВ
(Издательство «Языки славянской культуры», Москва)

e-mail: koshelev@lrc-press.ru

О КРИТЕРИЯХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОЛНОТЫ МЕТАЯЗЫКА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО СОБОЙ ПОДЪЯЗЫК ЯЗЫКА-ОБЪЕКТА

Семантический метаязык естественного языка часто задается в виде упрощенного и стандартизованного подъязыка естественного языка. В него включаются а) набор простых слов языка (словарь) и б) список простых синтаксических конструкций. При этом предполагается (как правило, без обоснования) что посредством такого метаязыка можно будет описать все смыслы (простые и сложные) высказываний на данном естественном языке. Для проверки такой гипотезы, необходимо прежде всего знать, какие смыслы подлежат описанию (являются естественно-языковыми), а какие – нет. Например, смысл предложения из философского или поэтического текста не должен описываться этим метаязыком, а смысл предложения бытового содержания – должен. Иначе говоря, необходимо охарактеризовать область (мир) смыслов данного языка. Только после этого можно ставить вопрос о полноте метаязыка – его способности описывать все естественно-языковые смыслы. В качестве аналогии рассматривается разложение математической функции в ряд Фурье. Здесь условия, налагаемые на функцию (= сложный смысл), типа непрерывность, интегрируемость, описывают класс всех функций (смыслов), допускающих представление рядом Фурье, члены ряда – элементарные функции – выступают аналогами простых смыслов, посредством которых описываются все смыслы (функции), а структура ряда задает синтаксическую конструкцию описания смыслов (функций).

Alexei Dmitrievitch KOSHELEV
(Maison d'édition « Langues de la culture slave », Moscou)

courriel : koshelev@lrc-press.ru

LA PLÉNITUDE SÉMANTIQUE DU MÉTALANGAGE, LANGAGE AUXILIAIRE DE LA LANGUE-OBJET

Le métalangage sémantique de la langue naturelle est souvent interprété comme un sous-langage simplifié et standardisé de la langue naturelle. Il comprend :

1. l'ensemble des mots simples de la langue (le dictionnaire) ;
2. la liste des constructions syntaxiques simples.

On suppose (habituellement sans arguments) qu'à l'aide d'un tel métalangage on peut décrire toutes les significations (simples et complexes) des énoncés de la langue naturelle donnée. Pour justifier cette hypothèse, il est nécessaire avant tout de savoir quelles significations sont susceptibles d'être décrites (celles qui appartiennent à la langue) et celles qui ne le sont pas. Par exemple, la signification d'une phrase dans un texte philosophique et poétique ne doit pas être décrite par ce métalangage, à la différence de la signification d'une phrase concernant la vie courante. Autrement dit, il faut caractériser le domaine (le monde) des significations de la langue donnée. Et ce n'est qu'après qu'on peut se poser la question de la plénitude du métalangage : sa capacité de décrire toutes les significations venant de la langue naturelle.
On se propose d'examiner de façon analogique le développement de la fonction mathématique en une suite de Fourier. Ici les propriétés attribuées à la fonction (= la signification complexe) telles que la continuité ou la capacité d'intégration décrivent la classe de toutes les fonctions (significations) susceptibles d'être représentées par la suite de Fourier. Les fonctions élémentaires, éléments de la suite, jouent dans la suite de Fourier un rôle analogique aux significations simples à l'aide desquelles sont décrites toutes les significations (fonctions). Enfin, la structure de la suite définit la construction syntaxique de la description des significations (fonctions).

Екатерина Валерьевна ВЕЛЬМЕЗОВА
(Лозаннский университет)

e-mail: velmezova@yahoo.com

ОТ ЗАКОНОВ СЕМАНТИКИ К ЗАКОНАМ СЕМИОТИКИ: «НОВОЕ УЧЕНИЕ О(Б) ЯЗЫКЕ» Н.Я. МАРРА

Анализ сформулированных в работах Н.Я. Марра (1864/65–1934) шести семантических законов показывает, какое значительное место занимала семантика в его «новом учении о(б) языке». Семантическая составляющая лингвистических исследований была важна для Марра в двух отношениях. Во-первых, речь шла о том, чтобы противопоставить «новое учение» «традиционной» лингвистике (под которой понималось прежде всего младограмматическое направление). Во-вторых, именно исследование семантических законов в диахронии (в человеческом языке вообще [*langage*], в отличие от конкретных языков [*langue(s)*]) часто позволяло Марру выходить за пределы лингвистики как таковой, выводя его на уровень «интегральной», или «холистической», науки. Неудивительно поэтому, что выведенные Марром семантические законы часто переформулировались им самим для иных областей знания – археологии, этнографии, истории материальной культуры в целом, литературного анализа и т. д. В отдельной части доклада мы покажем, в какой степени именно этот переход от законов семантики к законам семиотики сближал «новое учение» с другими современными ему научными теориями (евразийство, имяславие, «холистические» концепции В.И. Вернадского, Л.С. Берга, Я.Х. фон Смутса и др.), в значительной степени способствуя популярности Марра среди многих ученых его времени (к анализу мы привлечем ранее не публиковавшиеся архивные материалы – неизвестные работы самого Марра, его переписку с Вернадским и Бергом, черновики работ Берга и т. д.).

Ekaterina Valerievna VELMEZOVA
(Université de Lausanne)

courriel : velmezova@yahoo.com

LOIS SÉMANTIQUES ET LOIS SÉMIOTIQUES DANS LA « NOUVELLE THÉORIE DU LANGAGE » DE N.JA. MARR

L'analyse des six lois sémantiques formulées dans les travaux de N.Ja. Marr (1864/65–1934) fait apparaitre la large place faite a la sémantique dans sa « nouvelle théorie du langage ». La composante sémantique des recherches linguistiques avait une grande importance pour Marr. Elle devait opposer, déjà en elle-même, sa « nouvelle théorie » à la « linguistique traditionnelle » (avec laquelle Marr sous-entendait avant tout l'école des néo-grammairiens). L'étude des lois sémantiques en diachronie (dans le *langage* humain en général, plutôt que dans d'autres langages) permettait à Marr de dépasser les limites de la linguistique en tant que telle pour parler d'une « science holiste », d'une « science intégrale ». C'est pourquoi Marr pouvait reformuler ses lois sémantiques en essayant de les appliquer à d'autres domaines du savoir, comme l'archéologie, l'ethnographie, l'histoire de la culture matérielle, l'analyse littéraire, etc. Nous essayerons de montrer dans quelle mesure ce passage de la sémantique à la sémiotique rapprochait la nouvelle théorie du langage d'autres théories élaborées par les contemporains de Marr (comme les eurasistes, les « glorificateurs du nom », V.I. Vernadskij, L.S. Berg, J.Ch. Smuts et d'autres), en assurant en même temps a Marr une grande célébrité dans l'U.R.S.S. des 1920–1930. Dans notre analyse, nous nous appuierons sur certains de ses travaux qui n'ont jamais été publiés, sur ses recherches, sa correspondance avec Vernadskij et Berg, les manuscrits de Berg, etc.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Альгирдас (Жюльен) Юлюс Греймас …… 4
Algirdas Julien (Julius) Greimas ……... 4

Московско-тартуская семиотическая школа …… 5
Ecole sémiotique de Moscou-Tartu ……... 6

Центр семиотических исследований Лиможского университета 8
Centre de Recherches Sémiotiques, Université de Limoges ……. 9

Центр Греймаса Вильнюсского университета ……..…. 9
Le Centre A.J. Greimas, Université de Vilnius ……..… 10

Границы семиотики
Les frontières de la sémiotique

Вячеслав Всеволодович Иванов
Вопросы к обсуждению «границ семиотики» …….. 12
Viatcheslav Vsevolodovitch Ivanov.
« Les frontières de la sémiotique » : questions proposées au débat …..... 12

Jean-François Bordron
Sémiotique des cultures et plans d'immanence ……. 13
Жан-Франсуа Бордрон
Семиотика культур и планы имманентности …….. 13

Виктор Константинович Финн
Понятийный аппарат семиотики и возможность
экспериментальной прагматики ……. 14
Viktor Konstantinovitch Finn
L'appareil conceptuel de la sémiotique
et la possibilité d'une pragmatique expérimentale …… 14

Семиотика страстей
Sémiotique des passions

Jacques Fontanille
Sémiotique des passions, quête du sens
et rencontres interdisciplinaires ……. 15
Жак Фонтаний
Семиотика страстей, поиск смысла
и междисциплинарные встречи …….. 15

Дайнюс Вайтекунас
Страсть в семиотике А.Ж. Греймаса и Ю.М. Лотмана …… 16
Dainius Vaitiekūnas
La passion dans la sémiotique de A.J. Greimas
et celle de Y.M. Lotman …..... 16

Инна Геннадьевна Меркулова
Говорить и не сказать: страстный персонаж
одной пьесы Бернара-Мари Кольтеса ……... 16
Inna Guennadievna Merkoulova
Parler sans dire : le sujet passionné dans
une pièce de Bernard-Marie Koltès ……... 17

Heidemarie Toelle
La passion amoureuse dans les grands odes pré-islamiques
appelées Mu'allaqât ……... 17
Хайдемари Тоэль
Любовная страсть в великих доисламских одах,
называемых Му'аллакат ……. 18

Семиотика мифа и фольклора
Sémiotique du mythe et du folklore

Дайнюс Разаускас
Пенка семиотики на молоке мифопоэтической образности:
Альгирдас Жюльен Греймáс или Альгирдас Юлюс Грéймас? …….. 18
Dainius Razauskas
La peau-crème de la sémiotique recouvre le lait de la figurativité mytho-poétique : Algirdas Julien GreimAs ou Algirdas Julius GrEimas ? ……... 20
Мария Вячеславовна Завьялова, Татьяна Владимировна Цивьян
Aušrinė – Mėnulis – Saulė: об одном мифопоэтическом романе ……. 21
Maria Viatcheslavovna Zavialova, Tatiana Vladimirovna Tsivian
Aušrinė – Mėnulis – Saulė: à propos d'un roman mytho-poétique …..... 21
Альберт Кашфуллович Байбурин
Несколько замечаний о категории необратимости
в фольклоре и ритуале …… 22
Albert Kashfullovitch Baïbourin
Quelques remarques sur la catégorie de l'irréversibilité
dans le folklore et dans le rite …… 23
Янина Курсите
Семантика ворона/вороны. По преданиям Куршской косы …… 23
Janina Kursīte
Sémantique du corbeau / de la corneille: selon les légendes de la Langue de sable de Kurshskaya ……..... 24
Татьяна Андреевна Михайлова
«Шиле-на-гиг»: о возможности нескольких «прочтений» знака …… 25
Tatiana Andreevna Mikhailova
« Sheela-na-gig » : sur la possibilité de plusieurs « lectures » du signe ... 25
Геннадий Иванович Берестнев
Семиотика Кенигсберга: храм на о. Кнайпхоф ……..... 25
Guennadi Ivanovitch Berestnev
Sémiotique de Königsberg : cathédrale sur l'île Kneiphof ……... 26

Семиотика (явлений и предметов) культуры
Sémiotique de la culture (phénomènes et objets)

Григорий Ефимович Крейдлин
Красивые движения как объект невербальной семиотики
и лингвистики …….. 26
Grigory Efimovitch Kreidlin
Beautiful movements as an object of nonverbal semiotics
and linguistics …… 27
Светлана Леонидовна Иванова
«Волнует путем повторенья» ……. 28
Svetlana Leonidovna Ivanova
« Quand la répétition crée l'émotion » …….. 28
Ольга Юрьевна Бойцова
Семиотика фотографии в фотоальбоме …… 29
Olga Yourievna Boïtsova
Sémiotique de la photographie dans l'album de photos …… 29
Анна Феликсовна Литвина, Федор Борисович Успенский
Имитация и подражание: Топонимика и антропонимика
как предмет семиотической игры в Древней Руси
и странах Северной Европы ……... 30
Anna Felixovna Litvina, Fedor Borissovitch Ouspenski
Imitation et pastiche: toponymie et anthroponymie,

objets d'un jeu sémiotique dans l'Ancienne Russie
et dans les pays de l'Europe du Nord …… 30

Наталия Витальевна Злыднева
Homo ludens «дачного текста» русской культуры …….. 30
Nathalia Vitalievna Zlydneva
L'Homo ludens du « texte de datcha » de la culture russe …… 31

Семиотический диалог
Dialogue sémiotique

Кястутис Настопка
Смысловой риск в семиотике Лотмана
и семиотике школы Греймаса ……. 32
Kęstutis Nastopka
Le risque du sens dans la sémiotique de Lotman
et celle de l'école de Greimas …… 32

Татьяна Михайловна Николаева
Полифония vs. семиосфера (или полифония, по М.М. Бахтину,
и семиосфера, по Ю.М. Лотману) ……. 33
Tatiana Mikhaïlovna Nikolaeva
Polyphonie vs sémiosphère (ou polyphonie selon M.M. Bakhtine
et sémiosphère selon Y.M. Lotman) ……. 33

Сильви Салупере
Юрий Лотман и французский структурализм …….. 34
Silvi Salupere
Youri Lotman et le structuralisme français …….. 35

Сергей Николаевич Зенкин
Проблема релевантности смысла: Риффатер, Греймас, Барт …… 35
Sergueï Nikolaevitch Zenkin
La relevance du sens: Riffaterre, Greimas, Barthes …… 35

Ivan Darrault-Harris
Greimas et la psychanalyse ……... 35
Иван Дарро-Харрис
Греймас и психоанализ ……... 36

Лорета Мачянскайте
Альгирдас Юлюс Греймас – критик литовской литературы ……..... 36
Loreta Mačianskaitė
Algirdas Julius Greimas, critique de la littérature lithuanienne …… 37

Сергей Иосифович Гиндин
Российское предвосхищение понятия изотопии: Георгий Шенгели .. 37
Sergueï Iossifovitch Guindin
Une anticipation russe de la notion d'isotopie : Gueorgy Shengeli …….. 38

Теоретические проблемы семиотики
Problèmes théoriques dans la sémiotique

Thomas V. Gamkrelidze
Semiotics of Alphabetic Writing
On the Typology of the Genetic and Linguistic Codes ……. 38

Владимир Валентинович Фещенко
Густав Шпет и неявная традиция глубинной семиотики в России …..... 38
Vladimir Valentinovitch Fetschenko.
Gustav Shpet et la tradition implicite d'une sémiotique profonde
en Russie …… 39

Юлле Пярли
Семиотика имени собственного – возможности
междисциплинарного подхода ……... 39
Ülle Pärli
Sémiotique du nom propre : possibilités
d'une approche interdisciplinaire …….. 40

Сергей Иосифович Гиндин
Текст и *дискурс*: причины параллельного возникновения,
условия внедрения и научные последствия
двух исследовательских парадигм ……. 40
Sergueï Iossifovitch Guindin
Texte et *discours*: les raisons de l'apparition parallèle
de ces deux termes, les conditions de leur utilisation
et leurs effets sur la recherche ……... 41

Алексей Дмитриевич Кошелев
О критериях семантической полноты метаязыка,
представляющего собой подъязык языка-объекта ……... 41
Alexei Dmitrievitch Koshelev
La plénitude sémantique du métalangage, langage auxiliaire
de la langue-objet …….. 42

Екатерина Валерьевна Вельмезова
От законов семантики к законам семиотики:
«новое учение о(б) языке» Н.Я. Марра …… 42
Ekaterina Valerievna Velmezova
Lois sémantiques et lois sémiotiques dans
la « nouvelle théorie du langage » de N.Ja. Marr ……... 43

Научное издание

«Современная семиотика в приложении к гуманитарным наукам»

Международная научная конференция,
посвященная 90-летию со дня рождения Альгирдаса Жюльена Греймаса и выходу на русском языке книги А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания
«Семиотика страстей.
От состояния вещей к состоянию души»
Тезисы
Москва, 2007. 80 с.

На обложке:
«В библиотеке».
Фотоанаграмма
светлАны ивАновой
Sur la couverture :
« Dans la bibliothèque »
photo-anagramme
de svetlAna ivAnova

Оригинал-макет, обложка –
Леньшина М.И.

Подписано в печать 25.08.2007
Объем 4,0 п.л. Тираж 100 экз.
Центр компьютерной полиграфии ИСл РАН – ritlen@mail.ru

Электронная версия – *П.М. Аркадьев*